

САВАКО АРИЁСИ

Р О М А Н

к
и
н
о
к
а
в
а

Ц Е Н Т Р П Л И Т Р А Ф

Савако Ариёси

Кинокава

«Центрполиграф»

Ариёси С.

Кинокава / С. Ариёси — «Центрполиграф»,

Савако Ариёси (1931–1984), одна из самых ярких писательниц Японии, в своем романе рассказывает о женщинах трех поколений знатного рода Матани, взрослевших, любивших, страдавших и менявшихся вместе со своей страной на фоне драматических событий японской истории первой половины XX века.

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Савако Ариёси

Кинокава

I

Тоёно уверенно поднималась по каменным ступеням, бежавшим к вершине холма. Три дня тому назад ее седые волосы, давно позабывшие, что такое рука парикмахера, были тщательно уложены мастером, специально выписанным из города Вакаямы. Пряди по обеим сторонам лица подобраны как полагается, а надо лбом слишком сильно выдаются вперед для женщины ее возраста – ведь ей уже почти семьдесят шесть. Любой, кто бросал взгляд на эти пусть поседевшие, но все еще густые и блестящие волосы, ясно представлял себе их былую красоту. Одета в кимоно с изысканным набивным рисунком, Тоёно шла рука об руку с внучкой. Глава рода Кимото держалась с таким достоинством, что складывалось впечатление, будто старая женщина помогает молодой, а не наоборот. В тот день Тоёно была как никогда полна решимости, ибо настало время ее внучке выйти замуж и навсегда покинуть семью.

Утренний туман ранней весны белым облаком лег на Кудояму. Хана молча поднималась по склону, ощущая исходившую от бабушки силу. Сияющие волосы девушки были собраны в высокую прическу, лицо пламенело под толстым слоем белил. Декоративные кисти сумочки, спрятанной в рукаве пурпурного фурисодэ,¹ тихонько позвякивали на ходу. Напряженная, словно струна, Хана прислушалась к этой нежной мелодии и вдруг почувствовала, как бабушка изо всех сил сжимает ей ладонь. Этим крепким рукопожатием Тоёно как будто бы говорила Хане, что, стоит ей выйти замуж, она перестанет считаться членом семьи Кимото, а дом, в котором она провела двадцать лет, уже не будет ее домом. Но в то же время бабушка хотела показать, как жаль ей расставаться с любимой внучкой.

Настоятель храма Дзисонъин, которому накануне сообщили об их визите, ожидал дам у входа в павильон Мироку.² Однако он не стал облачаться в обрядовое одеяние, поскольку Тоёно особо подчеркнула, что они с внучкой не собираются выслушивать заунывные сутры. Настоятель вежливо поклонился, чего, собственно говоря, и следовало ожидать, ведь он принимал у себя не кого-нибудь, а главу одного из самых высокородных семейств префектуры.

– Какой удачный сегодня день! примите мои искренние поздравления.

– Спасибо. Просим прощения за столь ранний визит, – поклонилась Тоёно.

Настоятель сказал дамам, что церемониальный зал в их полном распоряжении и, если им вдруг понадобится помощь, они могут в любой момент вызвать служителей, хлопнув в ладоши. После этого он удалился в свои покои, расположенные в северном крыле храма, ибо Тоёно загодя попросила оставить ее с внучкой наедине.

Тоёно поглядела настоятелю вслед, повернулась, подняла глаза на высокую Хану и удовлетворенно кивнула. Они проследовали в павильон Мироку – место упокоения матери Кобо Дайси.³

– Женщинам не дозволено подниматься на вершину горы Коя,⁴ но в Дзисонъин приходить можно. Вот почему это место называется «Коя женщин». Вы ведь знаете об этом, Ханако-сан?

---

¹ Фурисодэ – женское церемониальное кимоно с длинными и широкими рукавами. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. ред.)

² Мироку – японское прочтение имени бодхисаттвы Майтрейи, будды будущего, преемника Шакьямуни.

³ Кобо Дайси (774–835) посмертное имя Кукая, главы эзотерического направления в японском буддизме, основателя буддийской школы Сингон («Истинное слово»).

⁴ Коя – священная для японских буддистов гора, на которой построены храмы школы Сингон и мавзолей Кобо Дайси

– Да.

– А вам известно, что Кукай явился во сне Кисину и сказал: «Вместо того чтобы возносить мне хвалу десять раз, молитесь девять моей матери»?

– В общих чертах...

– Быть женщиной – не оправдание за невежество.

– Да, простите меня...

Тоёно тихо сложила руки в молитве и смежила веки. Хана тоже прижала ладонь к ладони, но ее внимание привлекли свисающие с колонны амулеты в виде женских грудей, и она забыла закрыть глаза. Амулеты представляли собой скатанные из хлопка шарики, завернутые в шелк хабутаэ, на каждом ниточкой был завязан сосок. Будущие матери сами делали эти амулеты – отголосок очень популярного среди местного населения культа женской груди – и вешали их здесь, в храме, посвященном матери Кобо Дайси и бодхисаттве Мироку, вымаливая себе легкие роды. Шарики свисали с вершины колонны, некоторые в натуральную величину, другие крохотные, чуть ли не в полсуна⁵ диаметром; пара-тройка совсем белые, остальные потемнели от времени. Хана видела эти обереги с самого детства, но сегодня, в день свадьбы, они особенно впечатлили ее, скорее всего, потому, что девушка знала: в скором времени она сама принесет сюда такой же амулет, как делала в период беременности ее мать, а за несколько десятилетий до той – Тоёно, вынашивавшая в своем чреве отца Ханы. Получившая образование в Вакаяме, главном городе бывшей провинции Кии,⁶ Хана твердо верила, что предназначение женщины заключается в том, чтобы рожать детей, дабы не дать прерваться линии рода. Мать Ханы умерла рано, и воспитанием ее занималась бабушка. Девушке казалось, что она понимает, отчего Тоёно захотелось побыть с ней наедине в Дзисонъин в этот знаменательный день.

Хана молча закрыла глаза. Она была девственницей, а потому у нее не имелось особых просьб к хранителям храма, дарующим защиту беременным женщинам, но она всем сердцем стремилась ощутить душевное родство с Тоёно.

– Настоятель милостиво пригласил нас в зал церемоний. Идем?

– Конечно.

Тоёно и Хана вошли в зал, опустили перед алтарем на соломенную циновку и снова сложили руки в молитве. Справа от алтаря висел портрет Кобо Дайси, слева – его матери. Легенда гласила, что картины принадлежат кисти самого Кукая: первая – автопортрет, который он написал, смотрясь в зеркало пруда во время уединения на горе Коя; второй – мандала, нарисованная после того, как он увидел во сне мать, заново рожденную бодхисаттвой Мироку. Как и о многом другом, Хана узнала о происхождении этих свитков от бабушки.

– Больше у меня нет для вас советов, – тихонько проговорила Тоёно, обернувшись к Хане. – Берегите себя.

– Не волнуйтесь за меня, бабушка.

– Мы будем редко видеться, ведь вы далеко уезжаете. Мне нечего вам сказать, но я хотела прийти сюда с вами, чтобы мы могли немного побыть одни.

С самого утра Тоёно обращалась к Хане с большим почтением, чем обычно, словно уже считала ее членом другой семьи. Но вполне возможно, этой учтивостью Тоёно просто хотела выразить невыносимую тоску, охватившую ее при мысли о прощании с любимой внучкой. Хана почувствовала на себе взгляд бабушки, но промолчала. С первых дней Тоёно делала все, чтобы ни на секунду не отпускать от себя внучку; ее любовь к девочке граничила с одержимостью. Молва утверждала, что хозяйка дома Кимото никогда не нянчилась ни с родным сыном

---

⁵ *Сун* – японская мера длины, равная 3,03 см.

⁶ После Реставрации Мэйдзи (1867–1868 гг.), политического переворота, в результате которого сёгун Ёсинобу Токугава (1837–1913), последний военный правитель Японии, отказался от власти в пользу семнадцатилетнего императора, в стране были проведены социальные и экономические реформы, в том числе пересмотрено административное деление. Бывшая провинция Кии современная префектура Вакаяма.

Нобутакой, ни с внуком Масатакой, но пришла пора, и она излила все свои нерастраченные чувства на внуку. Идея послать Хану, как и ее брата, на несколько лет в школу в Вакаяму принадлежала именно ей – крайне необычный поступок для тех времен. Несмотря на то что Тоёно не привыкла к городской жизни, все эти годы она тоже провела в Вакаяме, лишь бы быть рядом с девочкой. Никто не сомневался, что Тоёно примет мужа Ханы в свою семью, иначе она не стала бы давать внучке образование, которое годится скорее для ученого мудреца, – разумно рассуждал народ. Кроме того, в свое время муж Тоёно тоже вступил в семью жены. Бабушка наверняка собиралась выбрать для внучки самого лучшего мужчину из восточных земель, ибо юная девица Кимото отличалась красотой, умом и покладистым нравом. Положа руку на сердце, когда-то Тоёно действительно вынашивала такие планы. Она никак не могла забыть мать Ханы, Мио, которая умерла совсем молоденькой; бедняжка так боялась свекрови, что вся трепетала в ее присутствии. Тоёно не хотела, чтобы Хану постигла та же участь. Хана была единственной дочерью Мио, и Тоёно свято верила в то, что, передав внучке все свои знания, она обеспечит ей богатую и достойную жизнь. Хана была редкой красоты цветком,⁷ какого еще не приносило родовое древо знаменитого клана Кимото из провинции Кии, и Тоёно тщательно ухаживала за ним. Хана изучила все премудрости чайной церемонии и искусство каллиграфии, у нее имелось письменное свидетельство о том, что она освоила хитрости игры на кото,⁸ а под чутким руководством Тоёно девушка овладела основами изысканной речи и достойного поведения. Таким образом, она постигла все, что полагалось знать дочери прославленного семейства, больше учиться было нечему. Неудивительно, что брачные предложения из Кудоямы, Дзисонъин и других ближних и дальних деревень поступали нескончаемым потоком. Но Тоёно отвергла все до единого. Она ни словом не обмолвилась о готовности принять мужа Ханы в свой дом или позволить им основать младшую ветвь семейства, всегда находила в женихе какой-нибудь изъян и отклоняла предложение. Чаще всего ее не устраивало общественное положение кандидатов, но она неизменно придумывала какой-нибудь благовидный предлог для отказа. К примеру, когда руки Ханы попросил второй сын Осава, старинного рода из деревни Дзисонъин, Тоёно не дала согласия на том основании, что ее младшая сестра вышла замуж за представителя той же семьи, а следовательно, молодые люди приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой, то бишь состоят в слишком близком родстве. Нобутака, формальный глава дома Кимото, был скромным человеком, послушным сыном и находился в беспрекословном подчинении у Тоёно. У него не хватало смелости не только вступить с матерью в спор, но даже спросить, действительно ли она хочет привести мужа Ханы в их дом.

В прославленном княжестве Кии
Растет немало деревьев,
Но коли решил жениться,
Выбирай самый яркий цветок.
Девица Кимото из Кудоямы
Прелестнее не сыскать!

Дети обожали эту песенку. Матери тоже частенько напевали ее у колыбели. Мотивчик старинный, слова передавались из поколения в поколение, и только имя девушки постоянно менялось. Во времена молодости Тоёно последние строки звучали так:

Сакаэ-сан из Суданосё
Прелестнее не сыскать!

⁷ Игра слов: «хана» по-японски «цветок».

⁸ *Кото* – тринадцатиструнный музыкальный инструмент, род гуслей.

Чаровницу звали Сакаэ. Своенравная и гордая Тоёно сгорала от ревности к этой красавице, которую и в глаза-то не видела. Сама она была девушкой привлекательной, но конечно же не шла ни в какое сравнение с Сакаэ из Суданосё.

Хана с лихвой возместила все былые огорчения Тоёно, и бабушка возлагала на внучку огромные надежды. Она настолько привязалась к Хане, что неохотно отпустила бы ее от себя, посватайся к ней родственник самого отставного сёгуна.⁹ Бедная Тоёно никак не могла решиться на ответственный шаг. А тем временем дети распевали песенку о ее внучке по всему уезду Ито.

В 31-м году Мэйдзи¹⁰ когда Хане должно было вот-вот исполниться двадцать, поступили два предложения, заполнив собой брешь, образовавшуюся в непрерывном потоке кандидатов на роль мужа. Первое – от рода Суда, который некогда владел Суданосё, да и теперь считался одним из самых богатых в округе. Предложение было сделано через семейство Ниу, дальних родственников Кимото. Несмотря на то, что Сакаэ-сан из Суданосё прославилась своей неземной красотой, социального статуса она никакого не имела, а точнее, была простой служанкой у Суда. И вот теперь Хану желает заполучить этот клан!

– Прошу вас, дайте согласие, ведь Хана скоро выйдет из брачного возраста, – как бы между прочим сказал однажды Нобутака. Он впервые осмелился поинтересоваться планами матери. В то время девушек выдавали замуж лет в четырнадцать – пятнадцать, а поскольку Хане исполнялось двадцать – самый предпочтительный для брака возраст давно миновал, – у отца имелись все основания для волнений. – Не дайте своей безмерной любви к внучке стать причиной ее будущего несчастья, – повторял он снова и снова.

Но Тоёно продолжала упорствовать:

– Я не могу позволить Хане уйти к Суда.

– Почему?

– Почему?! Да вы сами подумайте! Кинокава течет с востока на запад. Если девушка из рода Кимото отправится к Суда, ей придется путешествовать с запада на восток, то есть против течения. Невесты с берегов Кинокавы ни в коем случае не должны подниматься вверх по реке. Я ни за что не позволю Хане выйти за Суда.

– Если вы будете продолжать в том же духе, мы попадем в беду. Ваши доводы неразумны! – выпалил отчаявшийся Нобутака.

– Еще как разумны! Моя мать прибыла сюда из Ёсино. Ваша мать – из Ямато. Обе путешествовали вниз по течению. Идти против природы – тяжкое преступление!

– Хана никогда не выйдет замуж, если вы будете выдвигать подобные доводы. Что станет с бедной девочкой? Неужто вы совсем не думаете о ее будущем?

– Разумеется, думаю! Я собираюсь отослать ее к Матани.

Неожиданная новость застала Нобутаку врасплох. Кимото действительно получили предложение от семейства Матани из деревни Мусота, что в бывшем уезде Кайсо, земли которого лежат в нижнем течении Кинокавы. Матани просили руки Ханы через клан Кита из Рюмон.

Дочь Кимото отправится в Мусоту – не прошло и нескольких дней, как эта весть разнеслась по всем окрестным деревням. Народ не понимал, почему Хана должна уйти в Мусоту, ведь люди, живущие в верховьях реки, издревле считались выше рангом. Да и деревня Мусота не шла ни в какое сравнение с Кудоямой. Хотя, с другой стороны, никто не мог отрицать, что Матани слыли самым важным семейством в Мусоте. К общественному положению жениха

---

⁹ То есть выходец из дома Токугава могущественной династии военных правителей Японии, стоявшей у власти с 1603-го по 1867 г.

¹⁰ В Японии применяется древняя система летосчисления по годам и девизам правления императоров. Эра Мэйдзи началась в сентябре 1867-го, закончилась в июле 1912-го; 31-й год Мэйдзи 1897-й.

никаких претензий не имелось, особенно если учесть, что запрос исходил от главной ветви рода. И все же местные жители упрямо верили, что Матани недостойны дочери Кимото.

Как глава семейства, Нобутака счел своим долгом возразить матери.

– Неразумные речи ведете, матушка. Ну нельзя же, в самом деле, дать Суда от ворот поворот и отослать Хану к Матани!

– Отчего же? Суда не имеют никакого отношения к тому, что Хана выходит за старшего сына Матани.

– Даже если рассматривать оба предложения отдельно одно от другого, Матани надо дать отказ по тем же причинам, что и остальным.

– По каким таким причинам?

– Вам не кажется, что статус их семьи не слишком высок?

– Почему?

– Почему?! Да вы только сравните Кудояму и Мусоту!

– Вы говорите, словно старик, Нобутака-сан.

(У Кимото имелось правило, по которому даже родители обращались к старшему сыну почтительно.)

Тоёно обвинила сына в консерватизме и категорически заявила ему, что Хана выходит за мужчину, а не за социальный статус.

– Ваши сын и дочь учились в Вакаяме. Я поверить не могу, что вы никогда не слышали о Кэйсаку Матани. Окончив Педагогическое училище в Токио, он сразу начал помогать отцу, Тахэю, управлять деревней. Теперь, в свои двадцать четыре, Кэйсаку уже сам староста. Хоть всю Кинокаву вдоль и поперек пройдите, лучшего мужа для Ханы не сыскать. В конце концов, все зависит от мужчины, который заправляет домом.

Нобутаку настолько обезоружили доводы матери, что он не сумел вымолвить ни слова. Будучи старостой Кудоямы, он действительно был наслышан о Кэйсаку Матани, предприимчивом и перспективном молодом человеке, чья энергия была ключом. Но сам Нобутака предпочел бы иметь в родственниках Суду, нежели заполучить в зятя одного из Матани, какого-то там жалкого старосту захудалой деревушки. Обычно покорный, Нобутака на этот раз проявил невиданное доселе упрямство:

– Если невесте нельзя отправляться вверх по течению, то и пересекать реку она тоже не должна, потому что воды разделяют людей. Помните, какая приключилась трагедия, когда наша побочная ветвь взяла в дом девушку из Мёдзи?

В свое время дядя Тоёно основал младшую ветвь рода Кимото. Как только невеста его сына пересекла реку, семья начала приходить в упадок, и вскоре все ее члены умерли.

– Невесту ни в коем случае нельзя было перевозить из Мёдзи в Кудояму. А вот если наоборот – вреда не будет. Вы же помните строки о горах Имосэ из «Мангёсю»,¹¹ не так ли? Брат-гора высится в Касэданосё, а Сестра-гора – на противоположном берегу, то бишь на нашем. Так что невеста должна происходить с нашего берега Кинокавы. Младшую ветвь постигли несчастья, потому что они пошли против старинной традиции – перевезли невесту с берега Брата-горы на берег Сестры-горы. Ничего плохого не случится, только если девушка с берега Сестры-горы войдет женой в дом на берегу Брата-горы.

Тоёно была мастером споров и непременно давала отпор любым доводам, даже если в этом не было необходимости. И еще у нее ни одна словесная баталия не проходила без упоминания о Реставрации Мэйдзи. Ма сей раз она подвела итог, сказав:

---

¹¹ *Имосэ* (Имонояма и Сэнояма) – горы в уезде Ито провинции Кии (префектуры Вакаяма); Имонояма в буквальном переводе с японского означает «гора младшей сестры», Сэнояма «гора старшего брата». В «Мангёсю» («Собрании мириад листьев»), сборнике японской поэзии VI–VIII вв., горы Имосэ служат символом счастливой любви.

– Феодализм остался в прошлом. И нечего так суетиться только потому, что девушка выходит замуж.

Однако Нобутака не собирался сдаваться. Он послал за дочерью и осведомился о ее желаниях. Хана подняла на отца глаза и проговорила:

– Мне бы хотелось выйти за господина Матани, потому что Мусота ближе к Вакаяме, чем Суданосё.

Тоёно рассмеялась, прикрывая рот рукой, когда узнала от внучкиной служанки Току, какой ответ Хана дала отцу. Годы, проведенные в главном городе провинции Кии, явно не прошли для Ханы бесследно. Похоже, девочка уже наслышана о Кэйсаку Матани. Тоёно осталась довольна внучкой.

На брачное предложение Матани было дано официальное согласие, семьи обменялись подарками, и теперь женщины жили в предвкушении самой свадьбы. И все же Матани пришлось ждать почти два года – именно столько времени потребовалось Кимото, чтобы как следует подготовиться к брачной церемонии. Тоёно вместе с Ханой и Току отправилась в Киото и принялась собирать приданое. Почти год ушел на то, чтобы ремесленники изготовили на заказ изысканные лакированные изделия, которыми славится древняя императорская столица. Тоёно строго за всем следила, давала подробные указания насчет качества лака и позолоченного рисунка на свадебном паланкине Ханы, внешнего вида кото, подставки для зеркала и сундуков. Она также договорила, что внучка возьмет несколько уроков у мастеров чайной церемонии школы Урасэнкэ и икэбаны школы Корю. Нобутака был поражен переменами, произошедшими с матерью, которая всегда отличалась прижимистостью, а тут в мгновение ока превратилась в транжиру. Он беспомощно вздыхал, убежденный в правоте древней поговорки: коли в семье три дочери (как, например, у Матани), готовься потуже затянуть пояс. Тоёно, чей муж переехал в ее собственный дом, тоже знала о финансовых трудностях Матани, а потому решила дать внучке все, что недополучила сама, и замыслила для нее роскошную брачную процессию.

Это была последняя возможность пожить вместе с Ханой, и Тоёно около трех месяцев провела с внучкой в Киото. Все это время две женщины посещали сады и храмы. Однажды, когда они любовались красными кленовыми листьями в саду Рёандзи, Тоёно повернулась к Хане, чтобы выразить свое восхищение. И попутно высказала одно серьезное замечание:

– Твоему будущему мужу пришлось ждать почти два года, но он ни разу не пожаловался. Я нисколько не сомневаюсь, что он человек исключительный. Тебе не стоит бояться этого брака.

Две осени прошло с тех пор, как Тоёно решила отправить Хану к Матани, и все два года она пыталась убедить себя в том, что приняла верное решение.

– Да, я знаю, – подняла голову Хана.

Тоёно поглядела на ее блестящие волосы, забранные в высокую прическу. Через некоторое время она поправила воротник кимоно Ханы и прошептала:

– Как же ты прелестна!

В глазах старухи блеснули слезы. Хана тоже была готова разрыдаться и задержала дыхание, чтобы не выдать своих чувств.

Тоёно молчала. Сказать больше было нечего. Более двадцати лет ее жизнь была крепко-накрепко переплетена с жизнью внучки, и вот теперь Хану навсегда отрывают от Кимото, даже на место упокоения предков она не вернется, когда настанет ее час умереть...

Хана же при мысли о том, что она вскоре освободится от кровных уз и станет самостоятельной женщиной, вдруг особенно остро ощутила свою близость с бабушкой.

Дамы вышли из павильона Мироку и начали спускаться по ступенькам, бегущим вниз по восточному склону горы. Утренний туман растаял без следа под лучами жаркого солнышка.

– Посмотрите на реку! Какой восхитительный оттенок зеленого!

Перед ними раскинулась водная гладь Кинокавы цвета морской волны.

– Красиво! – восхищенно выдохнула Хана.

– Красиво! – эхом повторила Тоёно, крепко вцепившись в левую руку внучки.

Рука об руку они добрались до подножия, где их тотчас обступили провожающие. Лодки были готовы тронуться в путь. Казалось, все жители Кудоямы и Дзисонъин пришли проводить невесту.

Сакико, парикмахер, кинулась поправлять прическу Ханы. Току открыла дверцу паланкина, стоявшего у пристани. Несмотря на то что в Японии совсем недавно появилось новое и очень удобное средство передвижения – рикша, – согласно древнему обычаю, который не могло не соблюсти семейство столь высокого положения, невеста должна была прибыть в дом жениха в лакированном паланкине.

– Мои наилучшие пожелания, – официально поздравила внучку Тоёно.

Хана молча склонила голову, подобрала рукава и села в паланкин. Току заботливо уложила на колени хозяйки куклу – в соответствии с традицией, бытовавшей в этой части страны, невеста отправлялась в новый дом с куклой Итимацу.

Вызванные из Вакаямы носильщики, залихватски ухнув, оторвали паланкин с Ханой от земли и доставили его на лодку. Аккуратно устроив паланкин в центре судна, мужчины разместились на корме.

– А она красавица! – сказал один из них.

– Прямо куколка, – прошептал другой. Тем временем лодочники устроили переключку.

– Все готово?

– Готово!

Ладья невесты отчалила от пристани. И хотя провинция Кии отличается довольно мягким климатом, свежий воздух раннего мартовского утра охлаждал кожу женщин, одетых в украшенные гербами кимоно из китайского небеленого шелка с надлежащими поясами-оби. Свахи, нахохлившись, что твои оранжевые уточки, сидели рядышком в первой посудине, доверху нагруженной подношениями для родственников жениха и дарами, полученными невестой при заключении брачного договора. Пятидесятилетняя Току с сильно набеленным по случаю торжества лицом, на котором застыло выражение сосредоточенности, прислуживала хозяйке в лодке с паланкином, второй по счету в процессии.

На третьей и четвертой лодках плыли Нобутака, Масатака, члены главной и младших ветвей рода Ниу, ранее хлопотавшего за сына семейства Суда, и родственники Кимото. В последней бок о бок сидели Сакико и слуги. Не успел караван тронуться в путь, как пассажиры завели оживленную беседу.

– Какая роскошь, Кимото-сан! – сказал один из гостей, обращаясь к Нобутате. – Такой изысканной свадебной процессии не было со времен Реставрации Мэйдзи!

– Взгляните только: люди стоят по обоим берегам реки! – добавил второй. – А эти девять огромных сундуков с приданым, которые несут вдоль кромки воды! Неудивительно, что вся округа только и делает, что говорит о свадебной процессии Кимото!

У Нобутаки не было причин обижаться, несмотря на ехидный тон замечаний старших членов семейства Ниу. К тому же всю предыдущую ночь он предавался возлияниям и до сих пор еще не совсем протрезвел. На красном от сакэ лице появилась улыбка.

– Никто и никогда не забудет Кимото из Кудоямы! – добродушно отозвался он.

Жемчужно-зеленые воды Кинокавы хранили внешнее спокойствие, но течение было быстрым, и пять лодок неслись вперед без помощи весел. Жители деревень приветственно махали с берега руками. В те времена свадебные процессии чаще всего представляли собой вереницу рикш, а тут – целых пять лодок и невеста в паланкине! Есть от чего прийти в изумление.

– Току!

Услышав хозяйку, Току подошла к паланкину.

– Помоги мне отворить дверцу, пожалуйста, – тихо проговорила Хана. Хоть маленькое окошечко и было открыто, бамбуковый полог загоразживал панораму.

– И как я сама не догадалась! – смутилась служанка и поспешно открыла дверцу снаружи. У нее появилось такое чувство, будто своей нерасторопностью она подвела и Хану, и Тоёно, которая до сих пор стояла на пристани и смотрела внучке вслед. – Вот так хорошо?

– Да, спасибо.

Теперь Хане стало намного лучше, чем в запертом душном паланкине. Фигурка бабушки стремительно исчезала из виду. Все мысли Ханы крутились вокруг расставания, она была напряжена и не замечала ничего вокруг.

Кукла Итимацу взирала на нее широко раскрытыми глазами, кичась парадным мужским нарядом: накидочка-хаори из шелка хабутаэ, пояс, маленькие белые таби.¹² Гладкие пухлые щечки и приоткрытые красные губки делали ее похожей на развитого не по годам ребенка. Хана подняла куклу и поправила хаори с гербом семейства Матани.

Игрушечный мальчик в руках невесты на пути к ее новому дому словно говорил: став женой, ты должна будешь рожать детей и делать все возможное для процветания семьи. Прижав Итимацу к груди, Хана попыталась представить, какие у нее будут дети. Она припомнила, как всякий раз, когда отклонялось очередное брачное предложение, Тоёно повторяла ей, что, в конце концов, дело женщины – продолжать род, и при этом многозначительно смотрела на внучку – не за тем ли, чтобы подчеркнуть: надо внимательнее подходить к выбору мужа, который станет отцом малышей? В итоге был избран Кэйсаку Матани. Молодые люди видели друг друга всего лишь раз два года тому назад, но Хана полностью доверяла мужчине, которого выбрала для нее бабушка. Тоёно даже удалось убедить внучку, что она любит Кэйсаку, и теперь Хана несколько в этом не сомневалась. Юная невеста судорожно прижимала к груди куклу Итимацу, словно это был символ расставания с семейством Кимото.

На южном берегу несколько прачек как раз опускали в воду корзинки из зеленого бамбука. Весело перекиваясь, женщины принялись махать руками величаво проплывающим по реке лодкам.

– Это, случайно, не приветственная группа Касэда?

– Похоже, что так!

Одетые в хаппи¹³ слуги старинного рода Касэда вышли встречать свадебный караван из Кудоямы. Узнав их, Току и носильщики замахали руками. Здесь процессия должна была остановиться, чтобы немного отдохнуть и перекусить. Время близилось к полудню.

Главная ветвь семейства Касэда, построившая свою новую резиденцию у реки, тщательно подготовилась к встрече. Госпожа Касэда была поражена богатым фурисодэ Ханы и отдала должное красоте невесты.

– Кто выбирал этот рисунок из цветов сливы, хризантем и бамбука? Твоя бабушка? У нее всегда был превосходный вкус!

Потягивая чай, Хана спросила:

– Брат-гора виден отсюда?

– Ты, должно быть, имеешь в виду гору Нарутака? – растерялась госпожа Касэда.

– О, нет, Брат-гора не такая высокая.

Госпожа Касэда вежливо покивала, но тему развивать не стала.

---

¹² Таби – японские носки из плотной белой ткани с отделенным большим пальцем

¹³ Хаппи – короткое кимоно свободного покроя.

Припомнив, что она, Хана, – главное действующее лицо в свадебной процессии и ей не пристало много болтать, девушка больше не заговаривала о поэзии. И все же она не могла избавиться от мысли о том, насколько прискорбно подобное невежество. Хотя семейство Касэда и считалось одним из самых влиятельных, его представители не считали нужным давать женщинам образование. Хана решила, что не стоит объясняться с госпожой Касэда по поводу песен из «Манъёсю» и «Синкокинсю»,¹⁴ в которых говорится о горах Имосэ. Разочарованная до глубины души, она окончательно осознала, что навсегда лишилась своей бабушки.

Следующей на очереди была Кокава, где они причалили и поели в полдень. Хозяева принадлежали к семейству Кодзима. в этой деревне, положение которой значительно ухудшилось с течением времени, располагался храм Кокава, третий на пути путешествующих по западным провинциям паломников, и местных жителей свадебная процессия совершенно не впечатлила – видали и не такое. Отсюда Хане удалось хорошенько разглядеть грациозно взмывающую в чистое небо гору Рюмон, которую часто называют Фудзиямой провинции Кии. На самой ее вершине сверкала небольшая шапочка снега, склоны полого спускались вниз.

– Отсюда гору Рюмон видать! – восхищенно воскликнула Току.

– Скажи спасибо хорошей погоде, которая нам сопутствует, – ответила жизнерадостная сваха госпожа Кита.

По небу плыли похожие на свадебный покров невесты облачка, свежее утро уступило место теплomu весеннему денечку.

Время летело, словно на крыльях. В три часа дня процессия прибыла в деревню Ивадэ, где ее с нетерпением ожидали Ёсии. Это семейство разбогатело после японско-китайской войны 28-го года Мэйдзи.¹⁵ Довольные оказанной им честью принять у себя высокородную невесту и ее провожатых, все жители деревни вышли поприветствовать гостей. Хане и в голову не приходило, что Тоёно не просто так выбрала старинные достопочтенные кланы, проживающие на северном берегу реки. Однако она не могла не заметить, что чем дальше они продвигались вниз по течению Кинокавы, тем беднее становились земли, и хотя на южном берегу семьи не бедствовали, сравниться с Кимото, Касэда и прочими они не могли. Хана также открыла для себя, что все деревни сильно отличаются друг от друга, и задумалась над тем, как выглядит Мусота.

Сгустились сумерки. Слуги зажгли на лодках фонарики с гербами Кимото.

В Мусоте на берегу толклась огромная толпа. В полумраке танцевали фонарики с монами¹⁶ Матани в виде айвы. Как только гербы двух семейств соединились, слуги затянули песню.

На ветках юной сосны
Иглы слепят глаза...

Свадебная процессия с девятью огромными сундуками с приданым медленно тронулась в путь по темной дороге и вскоре добралась до усадебных земель Матани в Агэногайто. Тщательно подготовившиеся к празднеству Матани немедленно препроводили Хану в маленькую комнатку и поручили Току и Сакико облачить ее в свадебный наряд. Кукла Итимацу заняла место в токонома¹⁷ гостиной.

¹⁴ «Синкокинсю» («Новое собрание древних и современных [японских песен]») созданная по императорскому указу в 1216 г. восьмая из двадцати одной официальной антологии японоязычной поэзии.

¹⁵ 1894 г

¹⁶ *Мон* – родовой герб, символ дома.

¹⁷ *Токонома* – ниша в традиционном японском доме, предназначенная для улады глаз; в ней вешают свиток с картиной или каллиграфической надписью, ставят икэбану, курильницы и пр.

Току испустила вздох облегчения, облачив Хану в свадебное кимоно из набивного белого шелка и длинную белую накидку.

– Я на многих свадьбах бывала, но ни разу не видела такой красивой невесты, – заметила Сакико.

Току, которая восхищенно взирала на свою хозяйку, приосанилась и бросила снисходительный взгляд на товарку:

– Еще бы! Это ведь о ней поют все дети в округе.

Хана очаровала обеих женщин. Они неохотно опустили на нее свадебный покров – уж больно жалко было прятать такое милое личико!

Свадебная церемония прошла во внутренней гостиной. Госпожа Кита в бледно-зеленой кацуги¹⁸ («Само очарование», – отметила про себя Хана) поднесла жениху с невестой сакэ, и молодые люди обменялись чарками – брак был заключен. Тахэй Матани и его жена Ясу, согласно традиции, повторили тот же ритуал с Ханой – они стали ей свекром и свекровью. Кэйсаку выпил сакэ с Нобутакой. Стоило Хане бросить взгляд из-под свадебного покрывала на мужа, молодой человек тут же расправил плечи и посмотрел ей прямо в глаза. По телу Ханы прошла теплая волна, а сердце обожгло огнем. Наверное, все дело в сакэ, которое пришлось выпить, решила она.

Хана сняла свадебный покров, когда она вернулась в гостиную, где уже началась праздничная трапеза для мужчин, все поприветствовали ее, подняв чашечки с сакэ. Гейши из «веселых кварталов» Вакаямы словно бабочки порхали меж обеденными подносами тридцати восьми приглашенных.

У Кимото были церемониальные мисочки к обеденным подносам, изготовленные на заказ ремесленниками-глазуровщиками Вадзимы. Изысканная глазурь посверкивала на темных боках сосудов, и создавалось впечатление, будто золотистые гербы с айвой взмывают над подносами.

Родственники Ханы гордо восседали бок о бок, выкрикивая поздравления. Стоило Хане уйти, чтобы переодеться,¹⁹ они тут же начали перешептываться.

– Разве она не прелесть?

– Кэйсаку, должно быть, счастлив, что дождался ее.

– Она такая тихая для девушки, которая училась в школе...

– В конце концов, она ведь Кимото, а это кое-что да значит!

Хана появилась в накидке-хаори, серой с розовыми цветами зимней сливы, поверх кимоно из узорчатого шелка с золотистой вышивкой. Забыв о гостях, гейши изумленно взирали на великолепный наряд новобрачной.

– Дайте мне еще выпить! – закричал Косаку, младший брат Кэйсаку, и, повернувшись к гостям спиной, бросился к жениху.

Члены семейства Матани побледнели, испугавшись, что Косаку напился и не сможет вести себя прилично. Кэйсаку же лишь улыбнулся и протянул брату тёко,²⁰ в которую гейша проворно налила сакэ.

Миски с супом из морепродуктов накрыли крышечками, и гостям подали официальный обед. С каждой минутой мужчины пьянели все сильнее. Когда новобрачная снова покинула свое место, сидевший рядом с Косаку гость прошептал:

– Ты брату не завидуешь?

– С чего бы это? – Косаку сделался белым как полотно, лоб прочертили морщинки.

Гость тут же пожалел о своих неосторожных словах и виновато пробормотал:

---

¹⁸ *Кацуги* – верхняя накидка, покрывающая голову.

¹⁹ По японской традиции невеста несколько раз меняет наряд во время свадебного торжества.

²⁰ *Тёко* – чашечка для сакэ.

– Ну, невеста-то настоящая красавица...

Залпом проглотив сакэ, Косаку протянул тёко гейше и велел плеснуть ему добавки.

– И что в ней такого особенного? – Он еле ворочал языком, опрокинув в себя очередную порцию.

Гейши начали поздравительное представление. Среди завсегдатаев «веселых кварталов» было немало деловых людей, но таковых на этом торжестве не оказалось. Похоже, избалованные ойран²¹ Вакаямы чувствовали себя немного неловко, прислуживая богатым крестьянам и землевладельцам.

За вечер невеста несколько раз меняла наряды. Каждое кимоно было темнее предыдущего, поскольку темный оттенок считается благоприятным. Под конец она предстала перед собравшимися в черном кимоно с рисунком по низу. Было уже поздно, и в гостинной царил кавардак.

Когда Хана вышла в последний раз, сидевший напротив Кэйсаку молодой человек неожиданно спросил:

– Вы действительно закончили школу для девочек?

– Да. Гость широко распахнул от удивления глаза – настолько отчетливо и откровенно прозвучал ответ, в котором не было и намека на смущение. Он пьяно покачал головой, откинул волосы со лба и зловеще проворчал:

– Даже образованная женщина – не больше чем обычная дурочка. Я вам вот что скажу: муж ваш – человек особенный. Хорошенько о нем заботьтесь, не то придется отвечать передо мной!

– Ну и язва! – расхохотался Кэйсаку и, утихомирив товарища, робко улыбнулся Хане, которая оцепенела под его взглядом.

Муж снова открыто смотрел ей в глаза. Теперь она несколько не сомневалась: этому человеку действительно можно довериться. Взволнованная до глубины души, Хана опустила голову, стараясь сдержать обуревавшие ее эмоции. Она устремила взгляд на айвовый герб на обеденном подносе (к еде взволнованная невеста даже не прикоснулась). На подкладке одной из свадебных накидок, которые она надевала в тот вечер, тоже была изображена белая айва. Хана припомнила, как Тоёно, внимательно осмотревшая этот наряд, когда он прибыл из Киото, воскликнула: «Надо же, какой безобразный узор!» Будь герб даже крохотным, он все равно ужасно смотрелся бы на женском кимоно.

Свахи потихоньку увели из гостинной сначала невесту, потом жениха. Один наблюдательный Матани заметил это и закричал:

– Давай, Кэйсаку, не подведи!

Родственники невесты нахмурились. Даже без этой вульгарщины Кимото пришли к выводу, что Матани совершенно не умеют вести себя на людях. Весь вечер Нобутака и остальные представители семейства сгорали со стыда за своих хозяев. Девять сундуков с приданым, которые тоже проделали путь из Кудоямы в лакированных паланкинах, своевременно прибыли в Мусоту, но сумеют ли эти люди по достоинству оценить их содержимое? Нобутака оказался прав: Суда и Матани отличались друг от друга, как холмы от моря. У отца жениха, Тахэя Матани, причесанного на самурайский манер, волосы растрепались, под глазами набухли мешки от чрезмерных возлияний. В те времена владельцы горных угодий смотрели сверху вниз на обладателей рисовых полей, и Нобутака не являлся исключением. Для него Тахэй был и останется простым крестьянином. Тоёно тоже относилась к общественному положению семьи куда серьезнее, чем прочие, и уж тем более уважала приличия. Стань она свидетельницей царившего в гостинной Матани беспорядка, сердце ее наверняка наполнилось бы раскаянием. Нобутака хотел, чтобы Тоёно поехала с ними, потому что ей все равно предстояло нанести

---

²¹ Ойран – гейша высшего разряда.

внучке визит на следующий день. Однако та отказалась, и впервые в жизни он обиделся на мать, которая всегда все делала по-своему. Что ж, было уже поздно рвать на себе волосы – в этот самый момент Кэйсаку и Хана обменивались брачными чарками сакэ во внутренних покоях дома.

Токонома в опочивальне была украшена благими символами – сливами и сушеными каракатицами. Невозмутимая сваха, обращавшаяся с женихом и невестой, словно с малыми детьми, заставила их поднять чарки, после чего извинилась и удалилась со словами:

– Желаю хорошо отдохнуть.

То, что произошло потом, Хана помнила плохо. Впервые в жизни она осталась наедине с представителем противоположного пола, и для девушки строгого воспитания это уже само по себе стало серьезным психологическим потрясением. Тоёно перед расставанием подарила ей шкатулку, в которую вложила «весеннюю картинку» Утамаро,²² сказав, что это амулет на счастье. Даже не вспомнив об этой картинке, Хана вся напряглась, когда муж заключил ее в объятия. Боль пронзила ее стрелой, и она прижала затылок к подголовнику, при этом не забыв позаботиться о том, чтобы не испортить сложную прическу. Что и говорить, незатейливое напутствие бабушки совершенно не помогло новобрачной, но она изо всех сил старалась не ударить в грязь лицом.

У самого Кэйсаку было слишком мало опыта общения с женщинами, чтобы подумать о чувствах Ханы. Он был всего лишь мужчиной двадцати шести лет, очарованным красотой своей невесты.

– Я так долго ждал! – прошептал Кэйсаку, излив на нее всю свою страсть.

Хана, которой строго-настрого приказали исполнять любое желание мужа и господина, молча сгорала со стыда. Прикрыв в темноте глаза, юная жена вознесла хвалу богам и бодхисаттвам за то, что сумела справиться с собой и муж не заметил ее неловкости.

В провинции Кии женщины, по обычаю, приходили поздравить невесту на следующее утро после свадьбы. На торжественном пиру, состоявшемся накануне, мужчины открыто разглядывали Хану, а та сидела опустив голову, и все гости слились для нее в безликую толпу. Теперь же она внимательно смотрела на каждую женщину, которую ей представляли, и старалась изо всех сил запомнить ее внешность и имя. Дамы были поражены умом и благовоспитанностью молодой супруги господина Матани.

После ухода одной из посетительниц Ясу, свекровь, обратилась к Хане со словами:

– Ее семья отделилась от нашей три поколения тому назад. Все младшие ветви носят фамилию Ханда; мы единственные Матани в Мусоте. Давным-давно, когда эта земля принадлежала храму Нэгоро, глава дома Матани стал одним из Ста богов-покровителей Нэгоро и семье была пожалована фамилия Тёфуку-ин, сокращенно Тёкуи.

Хана конечно же была в курсе родословной Матани, но, когда семейную историю рассказывает свекровь, она звучит совсем иначе. Тёкуи – в этом самурайском имени слышался отзвук седой старины; Хане трудно было представить, что род, удостоенный такой чести, пришел в упадок. Припомнив, как отец насмеялся над Матани, называя их Мусота, Хана не смогла сдержать вздоха.

Женщины из младших ветвей семейства Кимото тоже пришли навестить новобрачную. Ма каждой было кимоно с мелким рисунком, как будто они заранее договорились одеться одинаково. Дамы сильно удивились, увидев, что Хана спокойно сидит рядом со свекровью, словно уже много лет прожила в этом доме.

– Госпожа Кимото не придет на торжество, – сказала хозяйка младшей ветви. Сославшись на свой преклонный возраст, Тоёно попросила ее передать внучке официальные поздравления.

---

²² «Весенняя картинка» (сюнга) гравюра эротического содержания. Утамаро Китагава (1753–1806) – знаменитый японский художник, прославившийся серией портретов красавиц из «веселых кварталов».

Значит, Тоёно не собирается появиться завтра на званом обеде для женщин, даже несмотря на то, что присутствовать будут одни дамы...

– Прошу вас, передайте ей мои наилучшие пожелания, – поклонилась Хана.

Эти холодные вежливые слова любимой внучки Тоёно поразили не только хозяйку младшей ветви Кимото, но и свекровь Ханы. Не было бы ничего страшного, вырази Хана свое сожаление или печаль.

«Полагаю, из нее выйдет очень почтительная невестка... Она чрезвычайно мудра... Бабушка держала ее в строгости, знаете ли». Эти замечания в адрес Ханы высказывали дамы на торжестве. Сама новобрачная, облаченная в алое кимоно и желтовато-зеленую катагину²³ с рисунком из сосновых шишек, степенно восседала под их любопытствующими взглядами.

– Поглядите! Ма ней алое кимоно.

– Какое милое создание! Прямо куколка.

Катагину Ханы, подбитая алым узорчатым шелком, гармонировала с кимоно из той же ткани, а щеки юной жены загорались алым огнем, когда она опускала голову, выражая смущение. Новобрачная являла собой воплощение изысканной свежести.

– Какой Кэйсаку молодец! Выбрал девушку, у которой приданое занимает девять сундуков, да к тому же красавицу! Невесте тоже невероятно повезло, – перешептывались гости.

Согласно местным традициям, на пятый день после свадьбы молодоженам надлежало посетить дом невесты. Однако было заранее решено, что Хана и Кэйсаку не станут следовать этому обычаю, поскольку Кудояма находилась слишком далеко от Мусоты. Идея конечно же принадлежала Тоёно. А сама Тоёно, которая должна была первой навестить внучку, так и не приехала.

– О чем только думает госпожа хозяйка?

Току, единственный человек из дома Кимото, оставшийся с Ханой, очень расстроилась. Парикмахерша Сакико задержалась еще на пять дней, чтобы помочь невесте с нарядами. Теперь же настало время прощаться, и Току не хотелось отпускать ее.

– Тебе обязательно так рано уезжать, Сакико-тян?

– Да, обязательно заходи в гости, когда будешь в городе.

– Спасибо, непременно. Кстати, Сакико, тебе не кажется, что моя хозяйка как-то странно себя ведет?

– Откуда такие вопросы?

– Мне становится дурно при одной мысли о том, что ты уезжаешь, а она ни разу не вспомнила ни бабушку, ни Кудояму.

Сакико улыбнулась:

– Но разве это для нее не лучшее время в жизни? Ты ведь и сама наверняка помнишь, что значит медовый месяц.

– Все равно, она ведь попала к людям, которые до недавнего времени были ей совсем чужими. Мне кажется, она должна хоть немного тосковать по дому, – вздохнула Току, провожая товарку до моста Мусота.

Мост располагался в нижнем течении реки неподалеку от дамбы Синроцукай. Люди называли его Мостом одного рина²⁴ по размеру пошлости, которая на нем взималась. Воды Кинокавы с шумом низвергались с дамбы, такого рева на всем течении реки больше не услышишь.

По возвращении в дом Току встретили звуки игры на кото, доносившиеся из оранжереи, окружавшей комнату ее хозяйки. Току пересекла дворик, самодовольно улыбаясь по пути слу-

---

²³ Катагину – церемониальная накидка без рукавов.

²⁴ Рин – мелкая монета; после денежной реформы 1871 г. одна тысячная часть иены.

гам и служанкам Матани. Вне всякого сомнения, ее хозяйка была единственной женщиной в Му соте, прекрасно игравшей на кото. Току хотелось закричать так, чтобы все услышали: Хана получила письменное свидетельство о том, что освоила это искусство в школе Ямада! Совершенно не задумываясь над тем, что могут о ней подумать, Току обращалась с остальными слугами как с людьми низшего сорта. Эта преданная женщина страшно гордилась службой в доме Кимото. Будь ее воля, она с утра до ночи похвалялась бы тем, что руки ее хозяйки добивались куда более знатные и достойные семьи.

Прислушайся Току повнимательнее, она наверняка поняла бы, что чувствует Хана, наигрывая печальную мелодию, но, к несчастью, служанка была напрочь лишена музыкального слуха.

Хана сняла с пальцев плектры и отложила кото в сторону. Ее терзали угрызения совести за то, что она бездельничает дни напролет сразу после свадьбы. Ей и в голову бы не пришло усомниться в главных принципах поведения жены. Она прекрасно понимала, что в настоящее время ее долг – изучать и впитывать традиции и обычаи дома Матани. Но по какой-то неведомой причине ее сразу же поставили на ступень выше всех остальных членов семейства.

Кэйсаку, в свое время получивший образование в Токио, а ныне исполняющий обязанности старосты деревни Мусота, был очень перспективным молодым человеком. Даже упрямые старики внимательно прислушивались к его советам. Дни Кэйсаку проходили в заботах и хлопотах. Будучи землевладельцем, он частенько в свободное время навещал арендаторов, стараясь привить им новые методы ведения сельского хозяйства. На своих землях он постоянно экспериментировал с помидорами и другими овощами, совсем недавно завезенными в Японию с Запада. А еще водил посетителей из других деревень по выстроенным за домом теплицам. Трудно представить, как этому человеку удавалось в одиночку справляться со всеми делами.

Тем временем Хана сидела сложа руки. По утрам ей надлежало привести себя в порядок до того, как встанет муж, подать ему завтрак, за которым он неизменно читал книги и журналы на английском языке, и проводить его на работу. Тахэй весь день дремал на солнышке, а Ясу тихонечко сидела на татами, коротая время за шитьем и штопкой старой одежды. И еще Тахэй развлекал гостей. Ясу временами приходила обменяться с ними любезностями, но тотчас снова возвращалась на свое излюбленное место. Невестке никаких обязанностей не вменили. Току убирала и стирала, Ясу приглядывала за кухней. Казалось, Хане не было места в хозяйстве Матани.

Под вечер домой возвращался Кэйсаку. Лучшего мужа Хана и пожелать не могла.

– Поиграть вам на кото? – спросила она однажды.

Кэйсаку, который только что принял ванну и теперь читал газету, непонимающе уставился на жену, – явно не привык к подобным развлечениям. Он вежливо отказался, напомнив, что уже поздно. Похоже, в этом доме никто не нуждался в покрытом золотистым лаком, изысканном кото.

«Это все равно что метать бисер перед свиньями», – сетовала Току. И хотя саму ее высоким ценителем музыки назвать нельзя было, она служила у Тоёно и гордилась своей образованной молодой хозяйкой.

Рассерженная Току как могла выказывала Матани свое презрение, ей было очень обидно, что ни один из членов этой семьи не может отдать должное музыкальным способностям Ханы.

Однажды Косаку и Току переполошили весь дом криками.

– Что ты сказала?!

– Я сказала: в Кудояме ни одному мужчине не придет в голову заходить на кухню!

Току оскорбилась до глубины души, когда Косаку сам пришел налить себе воды. Стоит хлопнуть в ладоши, отчитала она его, и слуга принесет ему чаю. В конце концов, разве он не второй сын Матани?

– Что за чушь! Мы же не благородные господа, или ты забыла? Ни одна служанка в доме не обратит на меня внимания, хоть я обхлопайся в ладоши!

– Я обращаю!

– Чай из твоих рук – яд!

Хана молча наблюдала за этой перепалкой. Току дала волю эмоциям, стараясь поднять уровень дома Матани до Кимото, и при этом повела себя слишком дерзко.

– Току!

Служанка низко поклонилась хозяйке.

– Извини, но не могла бы ты съездить в Кудояму по моему поручению? – сказала Хана.

Она быстро черкнула несколько столбцов, опустила письмо в конверт и попросила Току доставить его Тоёно. А еще распорядилась собрать с собой все вещи, которые могут ей понадобиться.

– Но разве вам не будет одиноко? – забеспокоилась Току.

Хана побледнела, но велела выполнять приказ.

«Ох, не хочется мне уезжать. Нельзя ли просто послать письмо по почте? Зачем доставлять его лично?» – жаловалась Току другим служанкам. И не зря. Предчувствия ее не обманули. Не успела Тоёно дочитать до конца написанное изысканным почерком послание, как не удержалась и рассмеялась.

– Тебя уволили, – поглядела она прямо в лицо Току.

– Как?! За что это? Что я не так делала?

Тоёно с улыбкой попыталась утешить верную служанку:

– Не переживай, все будет хорошо. Теперь ты снова сможешь служить у Кимото.

В конце концов, ты же не невеста, которую с позором отправили домой.

Тоёно подвинулась поближе к обиженной Току:

– Скажи, она не в положении?

– Пока еще нет. У нее недавно были месячные.

На дворе стоял чудесный летний денек. Тоёно рассеянно пробежала взглядом по пышной листве хурмы, росшей в самом центре сада Кимото, и по раскинувшемуся под деревом зеленому ковру.

– Понятно.

Ей хотелось не столько стать прабабушкой, сколько повидаться с Ханой, которая должна была приехать в храм Дзисонъин с амулетом в виде женских грудей.

– Хватит дуться. Лучше расскажи мне о свадьбе, – попросила она служанку.

«Все прошло как полагается, за исключением одного-единственного промаха. Это моя вина. Нет слов, чтобы выразить вам мои извинения. Я благополучно получила негодный предмет, который вы вернули обратно.

Искренне ваша *Кимото*».

Хана мысленно улыбнулась, прочитав это официальное послание Тоёно, но на лице ее не отразилось никаких эмоций, когда она передала его Кэйсаку.

– Не слишком ли жестоко ты обошлась с Току?

– Но я вполне могу взять на себя ее обязанности. Разве я сумею по-настоящему почувствовать себя вашей женой, если кто-нибудь вроде Току будет все за меня делать?

Кэйсаку удивленно поглядел на Хану, но предпочел промолчать. Он снова включился в работу на следующий день после свадьбы. По ночам страстно сжимал в объятиях юную супругу, но никогда не обсуждал с ней своих дел. Это считалось вполне естественным, и Хана не ощущала себя уязвленной или заброшенной.

– Теплая нынче ночь, да?

– Действительно. Дождик бы совсем не помешал.

Ответ Ханы заставил Кэйсаку опять оторваться от статьи. Он совсем недавно раздумывал о судьбе урожая – уж слишком долго стояла засуха, – однако отложил газету вовсе не для того, чтобы обсуждать с женой проблемы сельского хозяйства.

– Ты знакома с Ёсии из Ивадэ?

– Знакома, – кивнула Хана, постеснявшись сказать, что останавливалась в Ивадэ во время своего свадебного путешествия в Мусоту.

– Они подумывают устроить брак старшего сына с дочерью Ханда из Нисидэгайто.

– Вы имеете в виду главное семейство Ёсии?

– Нет. Они находятся с главным семейством в очень дальнем родстве, но оно тоже одобряет этот брак.

– Отличные новости!

Хана неожиданно припомнила слова Тоёно – невеста не должна подниматься по течению Кинокавы. Однако она не смогла заставить себя сказать об этом мужу, поскольку считала, что жена обязана быть покладистой и не имеет права перечить своему господину.

– Нам тоже пора подумать о невесте для Косаку.

– Вы правы.

Хана вспомнила, что у младшей ветви клана Осава из Дзисонъин есть дочка на три года моложе ее самой. Осава наверняка обидятся, если Хана обратится к ним напрямую, ведь в свое время она отвергла предложение главного семейства. Однако, если в роли свахи выступит кто-то другой, они скорее всего сочтут Косаку хорошей партией.

Хана предложила этот вариант Кэйсаку, а тот в свою очередь попросил одного из своих знакомых разведать обстановку. В провинции Кии дела делаются медленно, без спешки, поэтому ответ был получен только к концу года. Осава были не против. Тоёно тоже одобрила этот брак, и все в один голос восхищались Ханой. У людей сложилось мнение, что из юной госпожи Матани со временем выйдет отменная сваха.

– Пожалуйста, обсуди этот вопрос с Косаку, – как бы между прочим попросил Кэйсаку жену в присутствии родителей.

Свекровь закивала:

– Правильно! Пусть Хана с ним поговорит. Так будет лучше.

Тахэй вообще не имел привычки высказывать протесты – он соглашался на все, что бы ни решил его сын.

Хана низко поклонилась и пообещала, что все обсудит со своим деверем. Она и виду не подавала, но подобное нетактичное поведение сильно ее смутило, ведь Матани прекрасно знали о натянутых отношениях между ней и Косаку. Возможно, поначалу виной всему была несдержанность Току, однако, так или иначе, Косаку определенно относился к своей невестке с прохладцей. Более того, сами члены семьи Матани избегали вступать в конфликт со вторым сыном. Хана понятия не имела, что кроется за таким отношением. Сама она, едва услышав о будущем девере, почувствовала к нему расположение. Кэйсаку, человек деятельный, целыми днями носился по округе, Косаку же, тоже служивший в местной администрации, почти все время проводил дома за чтением книг, которые частенько получал по почте из Токио. Тоёно, сама обожавшая литературу, привила эту любовь внучке, и та в свою очередь была очень рада узнать, что в семействе Матани есть книголюб.

– Ты пишешь вака,²⁵ Косаку? – В один прекрасный день Хана задала этот вопрос, заметив на энгаве²⁶ забытое деверем издание «Кокинвакасю»,²⁷ но Косаку даже не удостоил ее ответом.

---

²⁵ Вака («японская песнь») – классическая японская поэзия, включающая в себя несколько жанров.

²⁶ Энгава – крытая галерея с двух или трех сторон традиционного японского дома.

²⁷ «Кокинвакасю» («Собрание древних и современных японских песен») – первая из официальных, созданных по импе-

Кэйсаку тоже выписывал книги из Токио, но то была исключительно узкоспециальная литература по сельскому хозяйству и животноводству. Стоявшие на полках научные труды по экономике и политике тоже не прельщали Хану. Ей хотелось развеять тоску стихами какого-нибудь современного поэта, вроде Китамуры.²⁸ Но когда она попросила у Косаку что-нибудь почитать, тот довольно резко ответил ей, что не любит отдавать свои книги в чужие руки.

Хана прекрасно понимала, что деверь настроен к ней враждебно, и это не давало молодой женщине покоя, потому выполнить просьбу мужа и поговорить с Косаку насчет свадьбы было не так-то просто. Но не дело жене вносить в семью разлад, и Хана все-таки побеседовала с Косаку о дочери Осава, тщательно подбирая каждое слово. Тот внимательно выслушал невестку и даже переспросил, желая уточнить, правильно ли он ее понял:

- Вы имеете в виду младшую ветвь клана Осава из деревни Дзисонъин?
- Как он отреагировал?
- Похоже, он слышал о них.
- Сразу не отказался, так?
- Нет, не отказался.

Кэйсаку кивнул и попросил Хану послать Тоёно официальное письмо с просьбой прощупать почву, поскольку для начала полагалось намекнуть обществу о том, что семья Матани интересуется девушкой из рода Осава. Хана вздохнула с облегчением. Отчего-то она была уверена, что отношение Косаку изменится, стоит ему увидеть невесту, ведь дочка у Осава хорошенькая и очень приятная в общении.

Ответ Тоёно пришел вместе с новогодними поздравлениями. Характер девушки и статус ее семьи идеально подходит Косаку. Было бы чудесно, если бы семью из этих земель провинции Кии связали с Матани крепкие узы. В конце письма она не преминула добавить: раз невеста поплывет вниз по течению реки, брак будет счастливым.

Тоёно была настолько сильна духом, что ни словом не обмолвилась о том, как скучает по Хане, как ей хочется увидеть внучку и насколько она одинока со дня ее отъезда.

Во время новогодних праздников Ханда и младшая ветвь Ёсии из Ивадэ обменялись подарками в честь помолвки. Тахэю не терпелось женить Косаку, однако Кэйсаку заявил, что торопиться некуда, хотя сам поднял этот вопрос. Хана начала беспокоиться по поводу возникшей заминки.

– Надо было давно разделить собственность семьи, тогда Косаку не стал бы так упрямиться. Ужасно думать, что дележ начнется сразу после моей смерти, – посетовал Тахэй.

Хана пришла в ужас, что после свадьбы Косаку должен будет отделиться и основать младшую ветвь. Конечно, не он первый, не он последний, такова судьба всех вторых сыновей, но Хана, у которой был всего один родной брат, никогда не задумывалась о том, что этот ужасный обычай может коснуться ее.

– Хана говорит, что мы должны попросить ее отца устроить прием, на котором сможем взглянуть на дочку Осава, – сказал Кэйсаку 15 января за завтраком.

Раньше Хана три раза в день ела с Тоёно, садиться за стол вместе с мужчинами у Кимото было не принято. Здесь же, в Му соте, Тахэй, Ясу, Кэйсаку, Косаку и Хана завтракали вместе. Перед каждым членом семьи ставили черный лакированный поднос. Прислуживала им Киё, которой было за сорок. Когда-то она накрывала стол на восьмерых, включая трех старших девочек, которые теперь вышли замуж, и отца Тахэя, дожившего до весьма почтенного возраста. Кэйсаку и Косаку были младшими из пятерых детей Матани. Киё считалась самой толковой из работавших в доме служанок и никак не могла ужиться с Току во время ее короткого пребывания в Мусоте.

раторскому указу, антологий японоязычной поэзии (X в.).

²⁸ *Китамура* Тококу (1868–1894) – японский поэт и публицист.

Косаку шумно отхлебнул мисо²⁹ и, вперив взгляд в свой поднос, процедил сквозь зубы:

– Спасибо, не надо.

– Что не надо, Косаку? – подняла голову Ясу.

– Ты имеешь в виду смотрины? – нахмурился Кэйсаку.

– Да. Я соглашусь присутствовать на смотринах только в том случае, если у меня будет право отказаться от женитьбы.

Прозвучавшая в словах Косаку злость неприятно поразила Хану. Сваха несомненно потереет лицо, если свадьба сорвется на этой стадии. Кроме того, девушка из дома Осава может получить душевную рану и до конца дней не забудет обиду.

– Так нельзя! – возмутился Кэйсаку. – Никто не может сказать ничего плохого о господине Осава, и, как правильно отметила Хана, дочка у него очень красивая. – У двадцатилетнего Кэйсаку была прекрасная репутация, его уважали как человека справедливого, и он терпеть не мог несерьезного отношения к делу.

Однако Косаку был тем еще упрямым.

– Осава – младшая ветвь, не так ли?

– Так.

– Они не могут позволить себе громкую свадебную процессию с девятью сундуками с приданым, паланкинами и ладьями. Хорошо еще, если пять сундуков наберется. А невеста наверняка поедет по берегу на рикше. В конце концов, я ведь всего-навсего второй сын, и мне придется уйти из дому... Тахэй, не в силах сдержать обуявшего его гнева, закричал:

– Немедленно прекрати нести чушь, Косаку! Неужели ты не понимаешь, что чувствует сейчас твой старший брат?

До сих пор Хане ни разу не доводилось слышать, чтобы свекор повышал голос. Она отложила палочки-хаси в сторону, в горле застрял ком.

– Что чувствует Кэйсаку?! Он получил образование в Токио и является старостой деревни, он женат на красавице из Кудоямы и станет следующим главой дома Матани. О да! Я прекрасно понимаю его чувства!

– Дурак! – взревел Тахэй.

Косаку бросился вон из комнаты. Уже выскочив за фусума,³⁰ он обернулся и тихонько процедил сквозь зубы:

– Хорошо хоть старший сын не дурак! Кэйсаку грустно посмотрел ему вслед.

Тахэй потряс кулаком, не зная, как еще избавиться от напряжения. Расстроенная Ясу подняла глаза на Тахэя, потом покосилась на Кэйсаку. И вдруг Хана застонала.

– Извините...

Киё бросилась на кухню за полотенцем. Свекор и муж пронзили взглядами бедную Хану, которая пыталась унять тошноту, прикрывая рот рукавом кимоно. Без дальнейших объяснений молодая женщина побежала в уборную, чувствуя, что продолжение вот-вот последует: мисо пробивал себе дорогу обратно.

Хана и подумать не могла, что брачная процессия, которую с таким старанием и любовью устроила для нее Тоёно, может задеть гордость младшего сына Матани. С самого рождения Косаку знал, что когда-нибудь ему придется отделиться от семьи, вследствие чего рос замкнутым и угрюмым ребенком. В семье девочки покорно принимают главенствующую роль мальчиков. Но Хана не только получила такое же образование, как и ее брат, но и целиком завладела бабушкиным сердцем. Она не могла припомнить, чтобы с ней когда-либо обращались как с существом низшего сорта, а потому слова Косаку произвели на Хану тяжелое впечатление.

---

²⁹ Мисо – паста из перебродивших соевых бобов с добавлением ячменя и риса; используется для приготовления супов.

³⁰ Фусума – раздвижные перегородки между комнатами в традиционном японском доме.

Прошло несколько дней, и Кэйсаку заметил, что жена его по-прежнему выглядит неважно. Однажды ночью, когда они были в своей спальне шести татами,³¹ примыкающей к гостиной, он нежно поинтересовался у нее:

– Тебя все еще волнует то, что сказал Косаку?

– Ничего не могу с собой поделать. Кроме того, я не представляю, как извиниться перед отцом за то, что меня чуть не вырвало прямо за столом.

– Не тревожься об этом.

– Косаку никогда меня не любил. Мне не стоило вмешиваться...

– Постарайся больше не думать о нем. Я собираюсь дать ему гораздо больше собственности, чем он ожидает. И еще я намерен положить конец традиции, согласно которой младшая ветвь принимает фамилию Ханда. Я уступлю ему фамилию Тёкуи.

– Тёкуи?!

– Да. В здешних краях мы единственные прямые наследники буси.³² Я уступлю ему древний ранг самурая и стану простым человеком.

Хана с ужасом внимала словам мужа. Чтобы младшая ветвь принимала самурайский ранг – дело для 34-го года Мэйдзи³³ неслыханное. Воспитанная в семье, которая придавала огромное значение общественной иерархии, Хана потеряла дар речи, настолько чудовищной показалась ей эта идея. В животе началось брожение, она снова прижала рукав ко рту.

– Не утренняя ли это тошнота? – осведомился Кэйсаку.

Хана удивленно посмотрела на мужа и вспыхнула под его пронизательным взглядом. Она и сама уже заподозрила это, но ничего не ответила.

– Теплая сегодня ночь, да? – прошептал Кэйсаку, откидывая одеяло.

Зима в провинции Кии действительно выдалась на редкость мягкая, и было трудно поверить, что скоро наступит Новый год. В глубинке по-прежнему поддерживалась традиция праздновать лунный Новый год, несмотря на то что в 6-м году Мэйдзи³⁴ был официально введен западный календарь. В Мусоте всего несколько семейств, в том числе Матани, отмечали этот праздник и 1 января, в один день с государственной начальной школой, и по старому обычаю. Для местных крестьян гораздо важнее был приход нового сезона, возвещавший посевную или сбор урожая, а все это было связано с лунным календарем. В конце января или в феврале, в первые праздничные дни лунного Нового года, Кэйсаку навещал крестьян, а старейшины приходили поздравить Тахэя и Ясу и неизменно получали угощение.

– Сегодня наш Новый год, друзья мои, – радостно заявил Тахэй. Он закашлялся, и присутствующие увидели, что зубов у него заметно поубавилось. – Недолго мне осталось праздновать, – добавил он. Несмотря на теплую погоду, Тахэй, который успел отметить и западный Новый год, и лунный, подхватил жестокую простуду. Он сильно сдал, едва ему перевалило за семьдесят.

Вскоре после Нового года газеты объявили о помолвке наследного принца. Мититаку Кудзё официально поставили в известность, что его дочери Садако предстоит стать принцессой. Хана снова и снова перечитывала эту статью, и сердце ее наполнялось радостью за семью императора. Забеременев, она стала смотреть на мир сквозь розовые очки. Матани всячески выказывали ей свое внимание и заботу. Ясу, которая с первой встречи была очарована изысканной речью и безупречными манерами невестки, не отходила от нее ни на шаг. Стена между старой женщиной, выносившей пятерых детей, и будущей матерью окончательно рухнула.

---

³¹ Площадь комнат в традиционном японском доме определяется по количеству устилающих их пол соломенных циновок татами, стандартный размер которых 190 x 95 см.

³² *Буси* – воинское, самурайское сословие; сословная система была отменена после Реставрации Мэйдзи 1867–1868 гг.

³³ 1900 г.

³⁴ 1872 г.

– Почему бы тебе не навеститься в Кудояму и не помолиться в Дзисонъин за удачное разрешение от бремени? – добродушно предложила Ясу. – Я недавно ходила в Дайдодзи в Мусоте, отнесла амулет и помолилась за свои слабеющие глаза.

– Спасибо. Я с радостью повидаюсь с родными, – ответила Хана. Она не навещала Кимото со дня свадьбы.

В мае Хана в сопровождении Кие вернулась в Кудояму. Будучи на пятом месяце беременности, она вела себя очень осторожно и все время следила за погодой, путешествуя по Кинокаве. От красоты раскинувшихся под безоблачным небом вод захватывало дух.

Бабушка вышла встретить внучку, но не нашлась что сказать – такой измученной выглядела молодая хозяйка Матани. Тоёно внимательно всмотрелась в ее лицо и нарушила наконец затянувшееся молчание:

– Скорее всего, будет мальчик.

После этих слов между главой семейства Кимото и ее внучкой вновь установились теплые отношения, царившие между ними всего год тому назад.

Хана представить себе не могла, как Тоёно, которая больше двадцати лет жила только ради нее, теперь справлялась одна. Что касается самой Тоёно, она и словом не обмолвилась о своей невыносимой тоске. Счастливые женщины просто вернулись к своим старым привычкам.

– Хотите, бабушка, я почитаю вам газету?

– Было бы замечательно. Я теперь и в очках-то плохо вижу.

– «Благоуханные ветры и голубые небеса начала лета, журавли в соснах у ворот радостно возвещают о благоприятном событии».

Хана прочла эти чудесные строки на первой полосе выпуска за 11 мая и подняла глаза на Тоёно, которая внимательно изучала ее профиль. Женщины улыбнулись друг другу.

– «Его императорское величество и наследный принц явили себя взорам, облаченные в армейские мундиры, сияющие многочисленными медалями. В 19.30 в Священном дворце его высочество облачился в парадное придворное платье. Затем наследный принц и принцесса провели обряд очищения. Санномия-сикибу вступила в Священный дворец, вслед за ней – наследный принц, которому управляющий двором его императорского величества господин Маруо вручил Меч Драгоценных Камней. Смотритель палат его высочества прошел в Святилище. За ним проследовала принцесса в сопровождении фрейлин Ёсими и Сёгэндзи...»

Хана ни разу не запнулась на сложных терминах, относившихся к императорскому двору. Тоёно прикрыла глаза, стараясь представить себе свадьбу Ханы. Она позаботилась о том, чтобы любимая внучка постигла все приличествующие женщинам искусства. Даже теперь Тоёно искренне верила, что ни одна брачная церемония не была бы слишком пышной для ее внучки.

Хана не решилась поговорить с бабушкой о своих натянутых отношениях с деверем. Она была очень рада, что Тоёно не спросила ее, почему сорвалась помолвка Косаку с дочкой Осава. Сама она этот вопрос поднимать не собиралась, поскольку ее единственной целью было посещение храма Дзисонъин.

– Ты привезла оберег?

– Да, бабушка. Но получилось не слишком хорошо.

Хана изготовила свой амулет, обернув блестящие кусочки шелка хабутаэ вокруг скатанного в шарики подкладочного материала, затем в центре каждого шарика завязала сосок. Тоёно долго изучала творение внучки.

– Какие крохотные, – заметила она после продолжительной паузы. Хотя главе семейства никогда в жизни не приходилось выполнять тяжелую работу, ее ладони покрывала грубая кожа

и пальцы выглядели очень сильными. Маленькие шарики прямо-таки утонули в этих крупных руках. – Принеси мою тушечницу, пожалуйста.

– Да, бабуля.

Покрытая золотистым лаком шкатулка с письменными принадлежностями стояла на обычном месте – рядом с пюпитром для чтения. Тоёно устроилась на солнышке на энгаве и начала растирать тушь.

Нобутака раздвинул фусума и заглянул на женскую половину – редчайший случай, надо отметить.

– Хана принадлежит не только вам, матушка. В конце концов, я ее отец и тоже имею право с ней пообщаться.

Бедняга чувствовал себя одиноко оттого, что мать единолично завладела вниманием дочери, которую он так давно не видел.

– Да, конечно. Потерпите немного, Нобутака-сан, скоро я пришлю ее к вам в кабинет.

– Что у вас за секреты?

– Вам знать не положено. Ступайте! – велела Тоёно, и великовозрастный сын послушно выскользнул из комнаты.

Хана медленно вытянула амулет из рукава, где прятала его от отца. Тоёно взяла кисточку и написала: «Хана, 23 года».

Тоёно и Хана снова поднимались по ступеням к храму Дзисонъин. С ними отправились Току и Киё. Был почти полдень, когда женщины добрались до павильона Мироку.

Киё, как самая высокая из них, повесила амулет на колонну у входа в зал церемоний. Крохотные белоснежные шарики Ханы сразу бросались в глаза на фоне своих потемневших от времени и дыма благовоний собратьев. Майское солнышко заливало храм ярким светом. Тоёно и Хана закрыли глаза и помолились.

Потом Тоёно сделала шаг вперед:

– Давайте попросим у настоятеля талисман на счастье.

Току опрометью бросилась в покои священника. Бедняжка испытывала невыносимые душевные муки, глядя на то, как Киё из дома Матани прислуживает Хане. Что касается Киё, та не упускала случая лишний раз подчеркнуть перед Току свое превосходство, постоянно поправляла воротник Ханы и бросала на соперницу высокомерные взгляды, стоило хозяйке обратиться к ней с просьбой. хана не могла не заметить этой молчаливой вражды между двумя служанками и напомнила себе, что она раз и навсегда стала членом семейства Матани. Молодая женщина решила вернуться домой на следующий же день, хотя свекровь и разрешила ей побыть с родными столько, сколько ей захочется, и велела не торопиться.

Нобутака ужасно расстроился и попытался уговорить дочку задержаться. Узвлненная до глубины души Тоёно поджала губы и насупилась. Однако бабушка прекрасно знала характер внучки и предпочла промолчать. Уж если Хана что решила, с пути ее не свернуть.

В следующем месяце начался сезон посадки риса, а на севере провинции Кию шли проливные дожди.

– Ну что за дела! – раздраженно цокал языком Кэйсаку.

На небе не было видно ни единого просвета. Однако к августу установилась необычайно солнечная погода. «Какой странный год выдался», – вздыхал народ.

25 августа Хиробуми Ито объявил в Токио об учреждении новой политической партии Сэйюкай,³⁵ о которой так много говорили. Кэйсаку пребывал вне себя от радости и даже зачи-

---

³⁵ Ито Хиробуми (1841–1909) – премьер-министр Японии в 1885–1888, 1892–1896, 1898 и 1900–1901 гг. Партию Сэйюкай основал в 1900 г.

тал вслух декларацию маркиза Ито. Хана не могла сдержать улыбки: то ее муж рвет на себе волосы, переживает, как бы бесконечные дожди не повредили крестьянам, то весь светится, с детским восторгом прижимая газету к груди.

– Малыш станет политиком! – заявил разгорячившийся Кэйсаку.

– В таком случае выбора у меня не остается, придется родить мальчика, – улыбнулась жена.

– А это и есть мальчик. Я уже и имя ему придумал.

– Правда?

– Да. Хочу назвать его Сэйитиро. Сэйитиро Матани. Хорошо звучит, как ты считаешь?

Кэйсаку оказался прав. 3 октября родился Сэйитиро. Акушерки отметили, что роды прошли очень легко, особенно если учесть, что ребенок первый. Однако Хана не могла с ними согласиться. Ее познания в этой области сводились к нулю, и роженице пришлось напрячь все внутренние резервы организма, чтобы произвести малыша на свет.

По традиции повитуха должна была сравнить младенца с драгоценным камнем, а она вместо этого без умолку трещала о том, как хороша спящая в постели юная мать.

Дождь лил не переставая, совершенно равнодушный к торжествам в доме Матани, устроенным в честь рождения первенца. Осень вступила в свои права, время печали и меланхолии. Дочери семейства Ханда из Нисидэгайто пришлось отправиться в свадебное путешествие в Ивадэ под дождем. Прикованная к постели Хана слышала, что приданое несли в трех сундуках, завернутых от сырости в промасленную бумагу. Кэйсаку побывал на пиру, но Хана не смогла на следующий день нанести новобрачной официальный визит.

– Как свадьба Ёсии? – спросила Хана однажды вечером, когда муж пришел навестить ее и сына.

Кэйсаку внезапно посерьезнел и сделал вид, что нянчится с ребенком. Хана молча изучала его профиль, не считая возможным настаивать на ответе – понимала, что муж чем-то озабочен. Через секунду Кэйсаку вышел из комнаты.

Еще на обратном пути из Ивадэ он заметил, что воды Кинокавы поднимаются, и теперь, накинув на плечи плащ, направился к реке, встал на берегу. Дождь не утихал, смеркалось, над Кинокавой висел зловещий туман. Волны, погоняя друг друга, бешено неслись у его ног. И хотя Кэйсаку не сомневался, что дамба выдержит, на душе было тревожно.

– Эй, там! Приветствую! – послышалось издалека.

Неуверенный, правильно ли он расслышал, Кэйсаку опасливо спросил:

– Кто здесь?

Темная фигура приблизилась.

– Вы, случаем, не Кэйсаку Матани?

– Да. А вы – Сигэ Канада?

– Верно. Что вы делаете здесь в такую непогоду?

– Пришел поглядеть, сильно ли вода поднялась. Боюсь, как бы наводнение не началось.

– И я тоже. Давно уже льет как из ведра. Мусоту не затопит? – Сигэ внимательно вгляделся в лицо юного старосты деревни. Похоже, Кэйсаку человек надежный, ни в чем своему отцу не уступает.

– Думаю, Мусота не пострадает. – Кэйсаку перевел взгляд на поток. – Поглядите туда, Канада-сан. Не бревна ли это?

– Точно. Какой ужас! По-вашему, дамба Ивадэ рухнула?

Сигэ, конечно, преувеличивал, но Кэйсаку вмиг оценил ситуацию. Если по реке поплыли бревна, значит, и мост, и дамба не устоят, это только дело времени. Жителей Мусоты никто не защитит, но мужчины могут кое-что сделать.

– Канада-сан, бегите в Сонобэ. Пусть молодежь соберется здесь с топорами. Я свяжусь со старостами Исао и Ногавы.

– Хорошо.

И они разбежались в разные стороны – один на запад, другой на восток.

Кинокава поднималась с позднего вечера до раннего утра следующего дня, затопив несколько деревень. Молодые люди из Мусоты объединились и вытаскивали из воды все бревна, до которых могли дотянуться. Были приняты и другие меры предосторожности, но спасти дамбу и мост все равно не удалось. Мусоте просто повезло, что она располагалась на возвышенности. К тому же три года назад Кэйсаку позаботился об укреплении берега.

На следующее утро дошли слухи о серьезных разрушениях вниз по течению от Ивадэ.

– Часть домов смыло, и люди пропали.

– Я слышал, что несколько человек погибло.

Днем, когда дождь немного стих, группа молодых людей во главе с Кэйсаку двинулась на помощь жителям Ивадэ. Мать новобрачной из дома Ханда не могла найти себе места от волнения и, не обращая внимания на тех, кто пытался успокоить ее, пошла с мужчинами.

– Муж выплыл, но когда он огляделся, жены рядом уже не было.

– В конце концов, уйти под воду – дело одной секунды.

– Бедная девочка! Должно быть, заблудилась. Она ведь здесь новенькая.

– И правда бедняжка! После свадьбы всего десять дней прошло! Представляю себе, что чувствуют ее родители!

Выслушивая причитания свекрови и служанок, Хана припомнила предостережение Тоёно: невеста никогда не должна путешествовать вверх по течению Кинокавы. Ну почему она не предупредила об этом своего мужа и не выступила против брака между Ханда и Ёсии! Как же она теперь жалела о своем неблагодарии! Но поскольку Кэйсаку не обращал особого внимания ни на традиции, ни на суеверия, Хана несколько не сомневалась, что дочь Ханда все равно отправилась бы в Ивадэ. Тем не менее раскаяние еще долго терзало Хану.

Весной, во время ее собственного свадебного путешествия, Кинокава текла тихо и спокойно. И в начале лета тоже дремала. Хана поверить не могла, что та же самая река могла унести человеческие жизни. Сокрушаясь о том, что промолчала, Хана начала сильно сомневаться – действительно ли женская покорность является добродетелью?

– Сэйитиро, ты ведь вырастешь великим политиком, да, мой мальчик?

Кэйсаку день и ночь пропадал на работе, устраняя последствия наводнения. Но стоило ему переступить порог дома, он тут же забывал о своей усталости и шел повидать сына. И непременно будил малыша, если тот спал. Пытаясь поймать рассеянный взгляд младенца, он, бывало, приговаривал:

– Расти побыстрее, Сэйитиро!

Сообразительность, проявленная Кэйсаку во время наводнения, принесла ему широкую известность. Все наперебой нахваливали его за то, что он пришел на помощь Ивадэ.

– Не играйте так с ребенком, вы его избалуете, – сказала Хана, не желавшая, чтобы муж брал Сэйитиро на руки.

– Все в порядке. Он же мой сын, в конце концов!

– Вы не должны ему потакать! Кэйсаку удивленно уставился на жену.

Хрупкая Хана, как всегда, была почтительна – образцовая супруга. И все же одного ее взгляда или слова теперь было достаточно, чтобы держать мужа в узде.

Дом Матани трясло как в лихорадке, когда Хана родила второго ребенка.

Тахэй еще два года назад решил заставить Косаку отделиться от семьи и тем самым избавить Кэйсаку от проблем. Однако, не успев осуществить задуманное, старик заболел и умер в возрасте семидесяти двух лет. Сэйитиро тогда было всего два годика, он невинно ползал по

полу на дедушкиных похоронах и, к ужасу взрослых, жадно набивал рот сладкими рисовыми колобками, выписанными из самых популярных магазинов Кансай.³⁶

– Пусть ест что хочет! – бросил Косаку.

Хане было неприятно слышать от деверя непочтительные речи в столь горестный день. По мере приближения рокового срока передачи ему части семейного имущества Косаку все хуже и хуже относился к прямому наследнику Матани, своему родному племяннику.

– Отец сказал, что не позволит мне основать побочную ветвь до тех пор, пока я не женюсь, но мне уже двадцать восемь. Я слишком стар, чтобы получить предложение от другого рода стать приемным сыном. К тому же, если начнется война с Россией, меня вполне могут забрать в армию. А пока позвольте мне хотя бы построить свой дом.

Косаку поднял этот вопрос весной следующего года, который семья встретила в трауре.

– Я тоже об этом подумывал, – кивнул Кэйсаку. – Где тебе хотелось бы построить свой дом? – тут же перешел он к делу.

– Окуногайто – место идеальное.

– Имеешь в виду земли Синъикэ? Ты прав. Воздух там чистый и здоровый, это пойдет тебе на пользу.

Косаку бросил взгляд в сторону Ханы, будто хотел спросить ее, знает ли она, почему он все время торчит дома, и известно ли ей, что он не смог окончить курс обучения из-за проблем с легкими.

– Кстати, раз уж мы все равно затронули этот вопрос, я хотел бы обсудить с тобой раздел семейного имущества.

Дремавшая до этого момента Ясу широко распахнула глаза и уставилась на Косаку. Она уже давно начала жаловаться на плохое зрение, глаза ее были постоянно налиты кровью. Все как один повернулись к Кэйсаку.

– Чего бы тебе хотелось, Косаку? Я готов разделить с тобой все, что имею.

Ясу и Хана лишились дара речи. Косаку прикусил нижнюю губу.

– Я бы предпочел холмы, а не рисовые поля.

– Значит, ты хочешь холмы. Этого и следовало ожидать. Какие именно?

– Все. Воцарилось молчание.

– Если это действительно то, чего ты хочешь, они твои, – ответил через некоторое время Кэйсаку. – Что еще?

– Дай мне немного земли, чтобы я мог вырастить себе риса.

– Можешь забирать участок от низины Матани до Тэндзин. Хатири и Кума будут твоими арендаторами.

– Это бедные земли.

Кэйсаку держал себя в руках, несмотря на дерзкий тон Косаку.

– Что-нибудь еще? – спросил он, передав младшему брату более одной трети владений.

– Нет. Просто начиная с сегодняшнего дня оставь меня в покое.

– Договорились. Далее, у меня тоже имеется парочка предложений, – выпрямил спину Кэйсаку. – Я хочу, чтобы ты основал новую семью Матани. Понимаешь? Фамилия твоя будет по-прежнему Матани, а не Ханда.

Кэйсаку решил упразднить обычай, по которому младшая ветвь семейства получала фамилию Ханда – традиция, передававшаяся из поколения в поколение с давних времен.

Однако Косаку совершенно не тронуло это заявление.

– Ты серьезно?

– И еще одно пожелание. Я хочу, чтобы ты принял титул Тёкуи.

Ясу окончательно расстроилась:

---

³⁶ Кансай – западный район Японии, охватывающий города Осака, Киото и прилегающие префектуры.

– Кэйсаку-сан, титул Тёкуи – это фактически то же, что фамилия Матани. Будь ваш отец жив, он ни за что не позволил бы такого.

В душе Хана согласилась со своей свекровью. То, что предлагает Кэйсаку, – неслыханное дело! Не может младшая семья лишиться старшую и холмов, и самурайского титула.

Косаку, заметив реакцию Ясу и Ханы, повернулся к брату и отрезал:

– Титул мне не нужен. Какой прок главе младшей ветви от самурайского звания? Я стану простым человеком с соответствующим социальным статусом. – Даже не поблагодарив брата за щедрость, Косаку поднялся с таким видом, будто разговор закончен. – Не стоит так волноваться из-за меня, – вежливо улыбнулся он Хане, выходя из комнаты.

В душе Кэйсаку бурлила злость. Он никак не ожидал от брата подобного поведения.

– Дурак! Му почему он такой? – пробормотал Кэйсаку, когда они с Ханой остались наедине в своих покоях.

– Я полностью с вами согласна!

Понимая, что муж взвинчен до предела, Хана воздержалась от дальнейших комментариев в адрес деверя.

– Можно подумать, что с главой младшей ветви обращаются как с изгоем. Люди не понимают, что многим главным семьям просто нечего делить, – не унимался Кэйсаку.

– Да, знаю.

– Второй сын Ямамото из Мияномаэ уехал в Америку. Косаку должен понимать, что он тоже второй сын. К чему эти бессмысленные жалобы? Более того, если война действительно начнется, человека с таким здоровьем, как у него, никогда не призовут в армию. Даже если он будет настаивать, ему все равно откажут. Он точно ребенок, право слово!

Хана с ужасом выслушала этот монолог мужа. Она прекрасно знала, что он никогда не сказал бы ничего подобного в лицо младшему брату. Хана смотрела, как Кэйсаку снимает хаори, в ярости бросает на татами пояс и топаёт от злости ногами, переодеваясь в ночное кимоно. Муж вел себя прямо как их сын, который начал мало-помалу отстаивать свои права и бушевал, если ему не удавалось добиться желаемого. Хана молча подобрала вещи Кэйсаку, сложила их и убрала в короб для одежды. На ее губах играла легкая улыбка.

– Хана...

– Да, милый.

– Иди ко мне.

Хана машинально вытащила шпильку и подобрала выбившиеся пряди. Волосы ее были уложены в безупречную прическу марумагэ.³⁷ Шея являла собой образец совершенства, кожа осталась идеальной, особенно если учесть, что эта женщина вот уже пять лет как замужем. Жители деревни обращались к ней «госпожа хозяйка Тёкуи». В Мусоте этот титул предназначался исключительно для жены главы дома Матани, и от этого Хана чувствовала себя немного неуютно, ведь Ясу еще была жива. Но что ни говори, ныне главой семейства является Кэйсаку, а Хана – его супруга. С недавнего времени она присматривала за кухней – Ясу милостиво уступила невестке свои полномочия. И хотя свекровь все еще ощущала некоторое напряжение, она редко жаловалась. Ясу всегда была женщиной скромной и доброй. После того как Хана приняла на себя домашние обязанности, ей ничего не оставалось, как достойно состариться. Люди же говорили, что только благодаря мудрости Ханы между женщинами Матани никогда не возникает раздоров.

– Как только Косаку отделится от семьи, у тебя больше не будет поводов для беспокойства. Я прямо-таки вздохнул с облегчением, отдав ему все эти земли, – заявил Кэйсаку.

– Но это так неожиданно! Я дара речи лишилась, когда вы сказали, что уступаете ему то, что он попросил.

---

³⁷ Марумагэ – прическа (овальный узел волос), которую носили в Японии только замужние женщины.

– Я все равно не сумею до конца исполнить свой долг, даже если передам ему все владения без остатка. А если я вообще откажусь делиться, станут ли люди по-прежнему приходить ко мне за советом?

Здесь Кэйсаку был абсолютно прав. В свои тридцать лет он стал широко известен как человек дела не только в Мусоте, но и во всем бывшем уезде Кайсо. Посоветоваться с ним приезжали даже государственные чиновники из Вакаямы. И всякий раз откровенно намекали, что хотели бы в ближайшем будущем увидеть его кандидатом в члены собрания префектуры.

– Может, я стану политиком раньше Сэйитиро.

– Вполне возможно.

– О чем ты думаешь?

– О, ни о чем таком...

– У тебя что-то на уме. Выкладывай.

– Мне пришло в голову, что как политику вам понадобятся деньги. Если вы станете разбрасываться землями...

Кэйсаку несказанно удивился. В политике действительно главное – деньги. Многим землевладельцам приходится расставаться со всеми своими угодьями, чтобы набрать нужную сумму.

Кэйсаку прикусил губу, когда жена спросила его, мудро ли он поступил, передав самые ценные владения младшему брату.

– Ну, во-первых, у меня было не так уж много холмов. В любом случае весь уезд Кайсо по-прежнему принадлежит мне.

– Только Кайсо?

– Что ты хочешь сказать? – округлил он глаза.

На губах Ханы играла безмятежная улыбка, лицо мерцало в свете ночника.

– Ну, я полагала, что вам принадлежит вся префектура Вакаяма!

– О, Хана! – воскликнул Кэйсаку, заключив жену в объятия. Он был безмерно счастлив услышать от нее эти слова. Он снова и снова шептал ее имя, решив для себя, что непременно станет баллотироваться на выборах.

Хана почувствовала произошедшие в муже перемены и припомнила, что ей говорила Тоёно: социальный статус семейства зависит от его главы. Она прикрыла глаза и позволила мужу получить наслаждение. Хана несколько не сомневалась, что однажды Кэйсаку станет великим человеком, как и предвидела ее бабушка.

– Хана...

– Да, милый.

– Косаку такой печальный. Я ведь правильно сделал, что отдал ему холмы, да?

– Полагаю, да.

Решив, что муж заснул, Хана выскользнула из его объятий. И тогда он пробормотал:

– Как ни странно, Косаку предпочел бы остаться в этом доме. Он, без сомнения, влюблен в тебя.

– Что за глупости!

– Я его не виню. Он ничего не может с собой поделать. А поскольку у меня остаешься ты, отдать ему хорошие земли – цена небольшая, – буркнул Кэйсаку. И закрыл глаза. Он явно успокоился, высказав то, что камнем лежало у него на сердце, и тут же уснул.

Хана слушала его тяжелое дыхание, разглядывала родное лицо. Нос и рот крупные, кожа загорелая, выступающий кадык временами дергается во сне... Интересно, что ему снится?...

Она прибавила огонь в лампе. Ее потрясло заявление мужа. Косаку влюблен в свою невестку... Хана поверить в это не могла, как бы ни был похож на правду сей факт. Она старалась пропускать мимо ушей замечания служанок, которые в один голос утверждали, будто Косаку очень изменился после ее появления в доме и стал совершенно невыносимым. Однако

ей даже в голову не приходило, что за его странным поведением стоит страсть. Вряд ли Кэйсаку подумал об этом только сегодня, но до сих пор он и словечком о своих подозрениях не обмолвился, вот что больше всего напугало Хану. Она перебрала в уме свои отношения с деверем, начиная с того самого момента, как переступила порог дома Матани, пытаясь доказать себе, что в заявлении мужа нет ни доли правды. Но от этого ей стало только хуже. Косаку всегда относился к ней с прохладцей. Избегал ее и старался поскорее уйти, если она вдруг оказывалась рядом. И никогда, никогда не вел себя с ней естественно и непринужденно.

Хана уже пять лет считалась членом семьи Матани. В свои двадцать шесть она была матерью трехлетнего ребенка. То, что даже при мысли о наваждении Косаку ей становилось не по себе, ясно доказывало одну вещь: его страсть оскорбляла ее женскую добродетель, в которую она до сего дня свято верила. Хана выбрала себя за нелепые сомнения и легла спать. В ту ночь большое одеяло казалось ей особенно тяжелым. Она беспокойно металась на футоне,³⁸ время от времени убавляя пламя в лампе. И даже когда окончательно погасила свет, еще долго не могла заснуть.

В ту осень хана впервые за четыре года наведлась в Кудояму. Восьмидесятилетняя Тоёно, пребывавшая в добром здравии, вышла встретить внучку.

– Грядут тяжелые времена. Похоже, скоро снова война начнется, – вздохнула Тоёно, которая по-прежнему интересовалась внутренними и международными делами.

– Это неизбежно.

– Так Кэйсаку говорит?

– Да.

– Возможно, он прав. Но Россия гораздо больше Китая. Ты читала Достоевского?

– Читала, – кивнула Хана.

Тоёно покачала головой, уставившись вдаль.

– Япония не должна вступать в войну со страной, которая подарила миру таких великих людей, как Толстой и Достоевский. – Хозяйка дома Кимото, не пропускавшая ни одного выпуска литературных альманахов «Кокумин-но томо» и «Мияко-но хана», была прекрасно знакома с иностранной литературой.

– Во вчерашней статье говорится, что Сюсуй Котоку и Кандзо Утимура³⁹ вынуждены уйти из «Ёродзу тёхо».⁴⁰ Теперь, когда в обществе царят подобные настроения, становится очень трудно выступать против войны с Россией.

– Тебе это Кэйсаку сказал?

– Нет, Косаку. – Хана так и не сумела признаться бабушке, что брала почитать «Преступление и наказание» Достоевского в переводе Футиана Утиды у своего деверя.

– Насколько я понимаю, Косаку отделяется от семьи.

– Да.

– Ему уже выбрали невесту?

– Пока еще нет. Он просто собирается построить себе дом.

– Как странно! Интересно почему?

---

³⁸ *Футон* – стеганный тюфяк, служащий японцам также одеялом; в широком смысле постель.

³⁹ *Котоку Сюсуй* – (1871–1911) политический деятель, один из основателей японской Социал-демократической партии (1901 г.); за антивоенные выступления в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. был приговорен к тюремному заключению. *Утимура Кандзо* (1861–1930) японский христианский проповедник, писатель и публицист.

⁴⁰ «*Ёродзу тёхо*» – газета, основанная в 1892 г. писателем и переводчиком Руйко Куроивой (1862–1920). Поначалу Куроива активно выступал против войны с Россией, но в конце 1903 г. из коммерческих соображений занял противоположную позицию, разорвав отношения с сотрудниками, которые придерживались пацифистских и социалистических взглядов, Утимурой Кандзо, Сюсум Котоку, Киёси Каваками и др.

Не стоит и упоминать, что Хана не могла ответить Тоёно: потому что он влюблен в меня. В конце концов, у нее не было никаких доказательств, подтверждающих слова мужа. Так или иначе, едва получив разрешение основать побочную ветвь, Косаку повеселел и стал относиться к Хане по-дружески. Если она просила у него почитать новый переводной или отечественный роман, он охотно давал книгу. Однажды даже сам предложил ей эссе Исоо Абэ.⁴¹

– Я рада слышать, что настроение у него значительно улучшилось, – покивала Тоёно. – Должно быть, он доставил тебе немало хлопот.

Хана не имела привычки жаловаться своим родным, но бабушка, похоже, и без того обо всем знала.

Как и четыре года назад, женщины направились в Дзисонъин. Неожиданно Хана увидела у обочины хурму.

– Год выдался урожайный. Кудояма славилась своей хурмой.

Крупные сладкие плоды яркими оранжевыми пятнами выделялись на фоне темных ветвей.

– Да, год поистине урожайный. Но ты ведь знаешь, что беременным нельзя есть хурму. Как жаль, что ты не можешь отведать этого лакомства, проделав такой длинный путь!

– Они так вкусно пахнут, что я вряд ли устою.

– Как можно такое говорить?! Зачем тебе лишняя маета с желудком? – Тоёно снова превратилась в заботливую бабушку.

Пребывая в бодром настроении, она без посторонней помощи взошла по каменным ступеням. Беременная Хана в свою очередь поднималась очень медленно, время от времени останавливаясь передохнуть.

– У госпожи хозяйки Кимото столько энергии! – удивилась Киё.

Току согласилась с ней.

– И все же она стареет. Видит уже плохо, поэтому приглашает родственников из главного дома и заставляет их читать ей газеты от корки до корки. А потом еще и книжку потрудней выберет и тоже читать требует. Родичи жалуются, что приходится целыми днями ее развлекать. А стоит кому-то сделать ошибку, она всякий раз фыркает и говорит: «Жаль, что здесь нет Ханы!» Что до членов младшей ветви, им очень обидно это выслушивать, – потихонечку доложила Току.

Тоёно стала слаба на ухо и не могла разобрать, о чем сплетничают служанки. Прислушиваясь к их болтовне, Хана поняла, что две женщины перестали соперничать друг с другом из-за нее, как это было в прежние времена, и задумалась, сколько лет уткло с тех пор, как она ушла от Кимото. Теперь она стала полноправным членом семейства Матани – достижение, способное согреть душу любой женщине.

Шарики амулета, на котором Тоёно написала имя и возраст внучки, были намного больше тех, что Хана повесила здесь, когда ждала Сэйитиро. Родив одного ребенка, она уже не боялась и не смущалась. Будущая мать подняла голову и посмотрела вверх.

– Хороший выдался год, – с уверенностью заявила она.

– Весьма благоприятный, – согласилась с ней Тоёно.

Одного взгляда на белоснежные амулеты, висевшие рядом с подношением Ханы, было достаточно, чтобы понять: в округе очень много беременных.

– Давненько мы вас не видели. Идемте, выпьем чаю. – Из частных покоев появилась жена настоятеля.

Тоёно и Хана не смогли отказаться от ее искреннего приглашения и уселись на залитой солнцем энгаве. Одна из служанок сходила набрать хурмы и подала фрукты как есть, прямо в корзинке.

---

⁴¹ Абэ Исоо (1865–1949) – японский писатель и публицист социалистических взглядов

Хана пришла в неописуемый восторг.

– Как замечательно! Я с удовольствием съем немного.

Тоёно неохотно позволила внучке отведать сочных плодов.

– Думаю, у тебя не будет несварения от хурмы, выращенной женой настоятеля, но смотри не переешь.

Хана взяла нож и умело разделала фрукт. Току в изумлении взирала на свою бывшую госпожу; она не могла припомнить, чтобы Хана так ловко управлялась с ножом. Да и представить ее на кухне Матани она тоже была не в состоянии.

Очистив шкурку и разрезав плод на четвертинки, Хана положила их на тарелочку и протянула Тоёно.

– Нет, благодарю тебя, милая. Я не могу себе этого позволить.

– У вас что-то с желудком?

– Нет, но я взяла себе за правило не есть ничего сырого, включая овощи и сасими.⁴²

Хана с аппетитом поела хурмы и вытерла губы салфеткой.

– Ах, какая прелесть! *a* Му соте говорят, что хурма особенно вкусна, если дождаться, когда она по-настоящему созреет. Но я предпочитаю именно такую, чуть жестковатую.

Тоёно прищурившись наблюдала за внучкой.

– Весной я попрошу срезать ветку с нашей хурмы и послать тебе. Привьете свое дерево хурмой Кудоямы. И как я раньше об этом не подумала!

– Это правда, что привой начинает плодоносить только через восемь лет?

– Нет, всего лишь через пять. Твой второй ребенок уже будет лазать по дереву за плодами.

Хана постаралась представить себе, как мальчик-непоседа забирается на дерево в саду Матани. Ребенок должен был появиться на свет в мае.

К концу года Хиронака Коно, председатель парламента, вынес осуждение кабинету Кацуры⁴³ в письменном ответе на указ императора. Девятнадцатый конгресс был распущен, волнения в обществе достигли апогея. К новому году ситуация накалилась до предела, и в итоге 10 февраля было объявлено о начале войны.⁴⁴ Из-за нехватки жилья для призывников солдат 61-го полка Вакаямы разместили в домах состоятельных граждан. Матани получили список из десяти фамилий. Чтобы иметь возможность принять у себя мужчин, в доме открыли гостевые комнаты. Семья не скупилась для этих людей ни на продукты, ни на развлечения, поскольку всем им вскоре предстояло отправиться на фронт. Каждый вечер гостям подавали сакэ, иногда даже приглашали гейш из «веселых кварталов».

И хотя Хана была на сносях, она прилежно приглядывала за тем, чтобы для каждого нашлось свежее кимоно, суп мисо был заправлен как полагается и молоденькие солдатики из Сикоку остались довольны. Благодарность постояльцев не знала предела, а некоторые даже влюбились в прелестное личико хозяйки, несмотря на ее нескладную фигуру.

– Госпожа Матани, разрешите нам навестить вас, когда вернемся с победой?

– Конечно!

– Но я могу погибнуть в бою.

– Откуда такие мысли? Разве способны русские пули ранить сына Земли Богов? – Хана постаралась развеселить солдата, но тот неожиданно помрачнел:

– Уж лучше пасть в бою и стать героем войны. Если я вернусь обратно, все, на что могу рассчитывать, – жалкий надел земли под рисовые посевы да холодный прием родных.

---

⁴² *Сасими* – кусочки мелко нарезанной сырой морской рыбы с соевым соусом, хреном-васаби или маринованными овощами.

⁴³ *Кацура* Таро (1847–1913) премьер-министр Японии в 1901–1905, 1908–1911 и 1912–1913 гг.

⁴⁴ Речь идет о Русско-японской войне 1904–1905 гг. (*Примеч. пер.*)

Хану захлестнули эмоции, когда она поняла, что мир полон таких бедолаг, как Косаку. Старших сыновей на военную службу не призывали. Молодые люди, которые квартировали у Матани, все без исключения являлись младшими детьми крестьян и землевладельцев. По опыту прошедшей десятилетием ранее японско-китайской войны они знали, что, уходя на фронт, фактически идут на смерть. Хане следовало бы поднять боевой дух этих хмурых воинов, но она вдруг задумалась о печальной судьбе малыша, которого носила под сердцем. Второй сын семейства, лишившегося своих холмов, может ожесточиться куда сильнее Косаку...

Чувствуя свою неполноценность рядом с пышущими здоровьем молодыми солдатами, Косаку не появлялся на пирушках. Однажды он нарочно оскорбил проходившую мимо Хану.

– Кто это? – насупился один из постояльцев.

– Младший брат моего мужа. Он собирается отделиться от семьи.

Солдаты были не в том положении, чтобы плохо отзываться о членах принимающего их семейства, но они явно невзлюбили Косаку.

Захмелев и поддавшись очарованию теплой весенней ночи, они, бывало, раздевались до пояса.

– Госпожа Матани, поглядите на мышцы настоящих мужчин. И сравните нас с тем несчастным парнем! – сказал один из будущих бойцов, ударяя себя кулаком в загорелую грудь.

Кэйсаку проводил с ними почти каждый вечер, возвращался в свою комнату глубокой ночью и навеселе. Хана прекрасно знала, что пить он не умеет – одной бутылочки сакэ было вполне достаточно, чтобы свалить его с ног. Но Кэйсаку слыл очень гостеприимным хозяином и мог часами сидеть на вечеринке, лениво ковыряясь в еде. Вместо того чтобы пить самому, он ловко подливал своему гостю. Влиятельные люди деревни восхищались этим его талантом.

– Хана...

– Да, милый.

– Ты была у Косаку? Он себе такой необычный дом выстроил.

– Правда?

– Игрушечный особнячок. Комнатки настолько крохотные, что мы бы с тобой в них задохнулись. Но денег он вбухал, похоже, немало. Никогда не думал, что брат настолько расточителен.

Из-за беременности Хана не смогла пойти на новоселье, но по рассказам мужа поняла, что планировка дома как нельзя более подходит Косаку. Вполне возможно, что он так и останется холостяком. Еще будучи ученицей Школы для девочек Вакаямы, Хана наткнулась в английском языке на выражение «Platonic love».⁴⁵ Теперь эти слова обрели для нее новый смысл, особенно с тех пор, как муж зачастил в «веселые кварталы» вместе с чиновниками из префектуры. Она чувствовала, что любовь Косаку к ней можно описать только как «Platonic», а не... Припомнив, что она беременна, Хана устыдилась своих мыслей.

– Тебе не следует приходить ко мне с визитом до рождения ребенка, дорога к моему дому очень трудна. Архитектура весьма необычна для Вакаямы, сама увидишь. Однако места для холостяка вполне достаточно.

– Только скажи, и мы с радостью придем к тебе одну из служанок. И давай обойдемся без формальностей. Не скромничай.

– С чего бы это? В конце концов, я куда дольше тебя являюсь членом семьи Матани.

Настроение Косаку менялось, как ветер в поле. Стоило кому-то сказать хоть слово поперек, и он мрачнел или начинал сыпать язвительными замечаниями, а потому Хана похвалила себя за проявленное терпение, несмотря на то, что ей пришлось приложить невероятные усилия, чтобы поладить с ним.

---

⁴⁵ «Платоническая любовь» (англ.).

- Кэйсаку говорит, что дом у тебя очень интересный. Мне так хочется поглядеть на него!
- Приходи с малышом. Я вырыл глубокий колодец, так что вода у меня вкуснее здешней.
- Здорово.
- Если родится мальчик, мне бы хотелось сделать его своим наследником.
- Там поглядим. Мы мечтаем, чтобы он стал чиновником.
- Чиновником? Чиновники – самые отвратительные люди.

Хана явно допустила еще один промах. Косаку прищурился, уставившись на огромный живот Ханы.

– Если ребенок родится в Праздник мальчиков,⁴⁶ я сделаю тебе особый подарок. Кстати, я уже придумал племянничку имя.

– Какое же?

– Юдзиро. Как тебе? Тогда у вас в семье будет и «сэй» и «ю» от Сэйюкай.

В первый выборный округ вошли город Вакаяма и бывший уезд Кайсо. Среди политиков, представлявших избирателей, были Юскэ Тасаки и Тору Хоси. Оба являлись членами Сэйюкай. Трудно сказать, насколько влияние Кэйсаку помогло продвинуть интересы партии в Кансае, но без его участия, определенно, не обошлось.

– Что, если Юдзиро превратится в очередного Косаку? – подумала Хана вслух.

– Что ты хочешь этим сказать? – возмутился Кэйсаку. – Юдзиро станет старостой деревни, а Сэйитиро – членом парламента. Лучше вообще никакого сына, чем такого никчемного, как Косаку.

Роды прошли с задержкой и очень тяжело. Ранним майским утром, к превеликому разочарованию папочки, на свет появилась девочка.

– Значит, девочка...

Мечта Кэйсаку о политическом тандеме сыновей потерпела крах. Хана кожей ощутила холодность мужа, когда тот присел у ее кровати и официально поблагодарил за труды.

– Я вам еще одного ребенка рожу.

– Конечно.

В честь победы Японии над Россией прошли праздничные шествия с фонариками в Вакаяме и Токио. Желая лично поприсутствовать на таком торжестве, Кэйсаку выехал из дому поутру и не вернулся ночевать. Ясу весь день не отлучалась от постели Ханы и все следующее утро суежилась вокруг ребенка.

Пораженная неприкрытым разочарованием Кэйсаку, Хана забыла поблагодарить свекровь за заботу. Безмерной радости, которая царил в доме после рождения Сэйитиро, совершенно не ощущалось.

– Кита из Рюмон прислали нам морских лещей. Я не подала тебе эту рыбу, потому что побоялась, как бы молоко не пропало. Но все равно не забудь выразить им свою признательность за подарок.

– Да, матушка.

– Что-то ты плохо выглядишь. Бывает, женщина так перенапрягается во время родов, что это кончается очень странной болезнью.

– Я буду осторожна. Просто я чувствую какое-то опустошение.

Ясу грустно поглядела на Хану, вытащила из-за ворота кимоно алый шелковый платочек и прижала его к глазам. Руки ее дрожали. Накануне, уже поздно ночью, посланник доставил весть о смерти Тоёно. Ясу промокала глаза, раздумывая над тем, сообщить это Хане сейчас или подождать немного.

---

⁴⁶ Праздник мальчиков (Данго-но сэкку) отмечается в Японии в 5-й день 5-й луны.

– Не тревожьтесь за меня. Кстати, как ваши глаза, матушка? – Несмотря на плохое самочувствие, Хану больше волновало здоровье свекрови.

– Нисколько не лучше, хоть я и принимаю лекарство доктора Хирохаси. Должно быть, отец призывает меня к себе.

– Не говорите так! Как же я смогу доказывать вам свою преданность, если вы нас покинете?

Ясу подняла на Хану покрасневшие глаза. Невестка искренне желала ей долгой жизни, и эти слова тронули ее до глубины души. Старая женщина понимала, что Хана сумеет оправиться от шока, скажи она ей прямо сейчас, что Тоёно умерла, однако, будучи по натуре человеком робким, не смогла заставить себя сообщить невестке эту печальную новость и предпочла поговорить с Кэйсаку, который поздно вечером вернулся из города. «У меня не хватило духу известить бедняжку», – призналась мать, попросив сына сделать это за нее.

– Хана...

– Да? О, это вы! Добро пожаловать домой. Извините, я спала.

Хана поспешно поправила прическу. Муж стоял и смотрел на нее сверху вниз.

– Я получил вести из Кудоямы...

– Да? И что же?

– В семье похороны.

Кэйсаку еще не сказал, кто именно умер, но Хана уже судорожно сглотнула, прочитав правду в его глазах.

– Говорят, два дня назад, в полдень, она упала с энгавы. Тогда никто и не подумал волноваться, ведь она не поранилась и на боль тоже не жаловалась. Но когда на следующее утро она не встала, служанки пошли проверить, в чем дело, и нашли ее мертвой.

Взгляд Ханы словно прирос к лицу мужа. И хотя она ободряюще кивала каждый раз, когда он замолкал, чтобы набрать в легкие воздуха, в ушах ее стоял такой звон, что она с трудом разбирала слова. Перед глазами маячило лицо бабушки. Еще осенью они сидели бок о бок на энгаве в Дзисонъин и Хана предлагала ей отведать хурмы...

Доложив обо всем жене, кэйсаку сказал, что немедленно отправляется в путь, хотя он наверняка уже опоздал. Его европейский костюм вполне годился для праздничного шествия с фонариками, но на поминальный обряд надлежало явиться в черном кимоно с гербами. Хана попросила Киё достать официальное платье для мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.